

СЕСИЛИЯ АХЕРН

В
РОССИИ ПРОДАНО
БОЛЕЕ
2 000 000
ЭКЗЕМПЛЯРОВ

Время моей ЖИЗНИ

От автора бестселлера «P.S. Я люблю тебя»

Сесилия Ахерн

Время моей Жизни

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

Ахерн С.

Время моей Жизни / С. Ахерн — «Азбука-Аттикус», 2012

ISBN 978-5-389-04661-0

«Время моей Жизни» – девятый супербестселлер звезды любовного романа Сесилии Ахерн. Люси не в силах забыть своего бойфренда Блейка – с тех пор, как он ушел, ее жизнь проходит мимо, утекает сквозь пальцы... Ничего не ладится, но молодая женщина упорно твердит, что у нее все отлично, все больше запутываясь в паутине собственной и чужой лжи. Но вот однажды сама Жизнь назначает ей встречу...

УДК 821.111-055.2Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-04661-0

© Ахерн С., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	14
Глава пятая	25
Глава шестая	35
Глава седьмая	38
Глава восьмая	46
Глава девятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сесилия Ахерн

Время моей Жизни

Cecelia Ahern

THE TIME OF MY LIFE

ISBN 978-5-389-02774-9

© Cecelia Ahern, 2011

© Гурбановская Л., перевод на русский язык, 2012

© Черемных Н., оформление, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Издательство Иностранка®

***

***

*Раньше ты была на многое горазда.
Утратила ты свою гордость.
Безумный Шляпник – Алисе в фильме «Алиса в Стране чудес» (2010)*

Глава первая

Уважаемая Люси Силчестер.

Встреча назначена на понедельник 30 мая 2011 г.

Дальше я читать не стала. Какой смысл, я и так сразу могла сказать, от кого это. Вернувшись с работы домой, в свою съемную квартирку-студию, я увидела на полу конверт ровно на полпути от входной двери к кухне, как раз там, где оставила след рождественская елка – она дала крен на правый бок и приземлилась тут два года назад, подпалив при посадке ковролин.

Это заурядное фабричное изделие мой мелочно-бережливый домовладелец выбрал за дешевизну, и похоже, на нем потопталось не меньше народу, чем на тестикулах мозаичного быка в миланской галерее Виктора-Эммануила II. Как уверяет легенда, покрутишься на них на одной ножке, загадаешь желание – оно и сбудется.

Почти такой же ковролин у нас в офисе. Но там он вполне уместен, ибо босиком по нему никто не ходит, а топчут его хорошо обутые ноги, степенно передвигаясь от рабочего места к ксероксу, от ксерокса к кофемашине, от кофемашины к аварийному выходу на служебную лестницу, где можно покурить исподтишка: представьте, это единственное место, где не срабатывает пожарная сигнализация. Я всегда участвовала в поисках убежища для курильщиков, и всякий раз, как враг засекал нас, мы искали новое. Нынешнее наше пристанище обнаружить несложно – на полу лежат груды окурков. Жадные губы в нервическом, горестном порыве втянули невесомые сигаретные души в легкие. Там они теперь и витают, меж тем как земные их останки раздавлены и отвергнуты. Место это, подобно всякому святилищу, где курят фимиам, почитаемо более, чем любое другое в нашем здании. Более, чем кофемашина, чем дверь на улицу в шесть вечера, и много более, чем стул у стола Эдны Ларсон – нашей начальницы, которая пожирает благие намерения, как неисправный автомат, что заглатывает монеты, но отказывается выплюнуть взамен плитку шоколада.

Письмо лежало на прожженном месте. Кремовый плотный конверт, где крупными четкими буквами напечатано мое имя, а сбоку золотое тиснение – три соединенные вместе спирали.

Тройная спираль жизни. Кельтский символ непрерывности цикла: жизнь – смерть – новая жизнь. Я уже получила два таких письма и успела посмотреть в Интернете, что кроется за этой символикой. На оба приглашения я не откликнулась. И не позвонила по указанному номеру, чтобы отклонить или перенести встречу. Я проигнорировала их, положила под сукно – точнее, под то, что осталось от сукна после падения елки, – и забыла о них. Нет, на самом деле не забыла. Невозможно забыть, что ты сделал, если знаешь, что делать этого не следовало. Мысли о содеянном слоняются у тебя в голове, как вор, присматривающий место будущего преступления. Крадутся, как тени, и шарахаются прочь, едва ты захочешь дать им отпор. Мелькают в толпе, притворяясь знакомыми лицами и тут же исчезая. Их так же невозможно обнаружить, как противного паренька из детской книжки-игрушки «Где Уолли?», спрятанного на картинках среди кучи других персонажей. Надежно укрывшись в глубинах сознания, дурные поступки всегда готовы напомнить о себе.

Месяц прошел с тех пор, как я проигнорировала второе письмо, и вот очередное послание с приглашением на встречу, и ни слова упрека, почему я уже дважды не пришла. Так же поступает моя мама – вежливо не желает замечать мои недостатки. И в итоге я оказываюсь еще хуже, чем есть.

Держа послание за край, я разглядывала его, все больше клоня голову, – конверт неужели обвисал. Кот на него написал, как и на прошлое письмо. Смешно, в самом деле. Но я кота не винила. Жить в центре города и держать животное в многоквартирном доме, где это запрещено, да еще уходить на целый день на работу – значит лишить его всякого шанса вольготно отправлять естественные надобности. Пытаясь избавиться от чувства вины, я развесила по всей студии фотографии в рамках: трава, море, почтовые ящики, холмы, дороги, парк, другие коты и Джин Келли¹. Ясно, что звезду «Поющих под дождем» я повесила уже для себя, но все прочее – в надежде, что у кота исчезнут ненужные устремления вонне: дышать свежим воздухом, завести друзей и любовные интрижки. Исполнять песни и пляски.

Поскольку меня не бывало дома с восьми утра до восьми вечера пять дней в неделю, а иногда меня не бывало там сутками, я приучила кота «очищать организм», как выразился кошачий наставник, в лоток. Короче сказать, кот привык писать на бумагу, и письмо на полу повергло его в замешательство. Теперь он смущенно бродил из угла в угол. Знал, что не прав.

Ненавижу котов, но этого – люблю. Я назвала его Мистер Пэн в честь знаменитого Питера, мальчика, умеющего летать. Мой Мистер Пэн мало похож на мальчика, который никогда не повзрослеет, да к тому же, в отличие от прототипа, он, как ни странно, явно не научится летать. Однако между ними, несомненно, есть известное сходство.

Я нашла его как-то вечером в переулке рядом с домом, возле мусорного бака. Звуки, которые он издавал, говорили о том, что ему плохо. Впрочем, возможно, это мне было плохо. А уж что я делала вечером в том переулке под проливным дождем – мое личное дело. В бежевом плаще, да, в бежевом плаще и после изрядного количества выпитой текилы, в глубоком трауре по утраченному бойфренду, я попыталась вести себя точно так, как Одри Хепберн в «Завтраке у Тиффани»: взывала горячо и страстно «Кис-кис!», чисто, трепетно и безнадежно.

Потом выяснилось, что моему найденышу две недели от роду и он гермафродит. И мать его, и ее хозяин, или оба они от него отказались. Ветеринар сообщил мне, что в котенке более выражено мужское начало, но, несмотря на это, давая младенцу имя, я нервничала, словно на мне лежала ответственность: какого пола будет это создание.

Я вспомнила о своем разбитом сердце. О том, что прежний начальник, убежденный, что я беременна, не утвердил мое назначение на следующую должность. Хотя все дело было в

---

¹ Келли Джин – голливудский танцор, певец, режиссер и продюсер, особенно прославившийся своей ролью в мюзикле «Поющие под дождем» (1952).

том, что я отравилась в выходные, на ежегодном банкете в отеле «Тюдор», где принято есть кабанятину, – знал ли он, что у меня потом целый месяц кишки сводило? И меня тошнило. Вспомнила, как поздним вечером меня облапал в метро уличный бродяга. А на работе, когда я в кои-то веки настояла на своем мнении, коллеги-мужчины сказали, что я стерва. Вот я и решила, что моему котенку все же лучше быть котом, а не кошкой. Жить будет проще. Думаю, впрочем, это было неверное решение. Потому что, когда я изредка называю кота Самантой или Элизой, животное вскидывает голову и глядит на меня с явной благодарностью, а потом устраивается, точно в гнезде, в одной из моих туфель и с тоской смотрит на ее высокий каблук, как на символ всего того прекрасного, чего оно лишено.

Но я отвлеклась. Вернемся к письму.

На сей раз мне придется принять приглашение. Это уже неизбежно. Игнорировать отпратительницу и дальше просто невозможно. Я не хочу, чтобы она обиделась.

Держа листок за край, я снова прочитала послание.

Уважаемая Люси Силчестер.

Встреча назначена на понедельник 30 мая 2011 г.

С искренним уважением

Жизнь.

Жизнь. Ну да, разумеется.

Моя жизнь хочет со мной встретиться. Последнее время ей приходилось нелегко, я уделяла ей мало внимания. Я отводила глаза в сторону, например, в сторону своих друзей: интересовалась их проблемами. Или проблемами на работе. Или своим авто, пребывающим в поистине бедственном состоянии. Все, словом, в таком роде. Я напрочь, абсолютно забросила свою жизнь. И теперь она пишет, взывая ко мне, и сделать в этом случае можно только одно. Пойти и встретиться с ней лицом к лицу.

Глава вторая

Прежде я уже слышала, что подобные вещи случаются, а потому не особенно драматизировала ситуацию. Я вообще не из тех, кто склонен впадать в нервическую восторженность или ажитацию. И удивить меня не слишком просто. Думаю, это оттого, что я верю – произойти может что угодно. Из чего как будто бы следует, что я доверчива, но нет, отнюдь. Правильнее сказать так: я лишь принимаю то, что есть. Все, что есть. И потому, хоть мне и было странно, что моя жизнь пишет мне письма, ничего поразительного я в этом не находила. Скорее нечто обременительное. Я знала, что в ближайшем будущем потребуется уделить ей толику внимания, а именно это мне было трудно – в противном случае она бы и не писала.

Я сбила ножом лед с дверцы морозильника и извлекла оттуда упаковку картофельной запеканки с мясом. Ожидая, когда микроволновка скажет «пинг», я съела тост. Потом йогурт. Потом слизнула то, что осталось на крышке от йогурта. Потом я решила, что письмо – это повод открыть бутылку «Пино Гриджо» за 3.99 евро. Я сбила остатки льда с дверцы морозилки, а Мистер Пэн побежал прятаться в розовые резиновые сапоги с сердечками – грязные сапоги, испачканные на музыкальном фестивале еще три года назад. Бутылка, которую я извлекла из морозилки, покоилась там давненько, поскольку я о ней совсем забыла, и алкоголь превратился в глыбу льда. На место этой бутылки я положила новую. О ней я уж не забуду. Не должна. Ведь это последняя из «винно-запасного погреба», что под коробкой из-под печенья. И кстати, о печенье. Я ведь, пока ждала пинг-сигнала, съела еще и два двойных шоколадных печенья. А потом микроволновка пингнула. Я вывалила густое, неаппетитное, холодное в глубине своей месиво на тарелку: ждать еще полминуты не было сил. Не присев, устроилась у стойки и принялась обедать запеканку с краев, где она была погорячее.

А раньше я готовила. Почти каждый вечер. Или готовил мой бойфренд. Мы любили это занятие. Жили мы в огромном помещении бывшей хлебопекарни с решетчатыми – от пола до потолка – окнами и голыми краснокирпичными стенами. Кухня переходила в столовую. Получилось большое удобное пространство, и здесь часто собирались наши друзья. Блейку нравилось готовить, нравилось развлекаться, он любил, когда к нам приходили друзья, а порой и родственники. Его радовало, что все эти десять – пятнадцать человек смеются, болтают, едят и спорят. Запахи, пар над кастрюлями, восторженные охи-ахи едоков. Стоя посреди кухни, он безупречно, мастерски рассказывал очередную байку, одновременно нарезал лук и добавлял красного вина в говядину по-бургундски или фламбировал десерт «Аляска»². Он никогда ничего не отмерял, делал все на глазок. Обладал врожденным вкусом. Во всем. Писал книги о кулинарии и путешествиях, потому что любил хорошую еду и дальние странствия. Он был рискованный и отважный. Мы никогда не сидели дома на выходных, карабкались то на одну гору, то на другую, а летом ездили в такие страны, о которых я раньше и не слыхала. Дважды мы прыгали с парашютом и трижды на банджи. Он был идеален.

И он умер.

Шучу, шучу, он в полном порядке. Жив-здоров. Я знаю, это злая шутка, но мне смешно. Нет, он не умер, он жив и по-прежнему идеален.

Но я от него ушла.

Теперь у него свое телешоу. Он заключил контракт, еще когда мы были вместе. На канале путешествий, который мы вечно с ним смотрели, и сейчас я время от времени включаю теле-

---

² «Аляска» – десерт из бисквита, мороженого и взбитых белков, который быстро запекают, а потом поливают коньяком и поджигают – фламбируют.

визор и гляжу, как он идет по Великой Китайской стене или, сидя в лодке где-то в Таиланде, ест рисовую лапшу.

И всякий раз он безупречно произносит текст и безупречно выглядит – даже если неделю лазил по горам, пробирался по лесам и не брился, – и всякий раз он смотрит напоследок прямо в камеру и говорит: «Хорошо бы мы были здесь вместе!»

Это слоган передачи. Он говорит мне это из недели в неделю, из месяца в месяц с тех пор, как мы расстались. Он чуть не плакал, уверяя меня по телефону, что придумал это именно для меня, и слова его предназначены мне и никому иному. Он хотел, чтобы я вернулась. Звонил каждый день. Потом через день. Потом раз в неделю, и я знала, что он хватается за трубку, а потом принуждает себя подождать еще чуть-чуть, но это стоит ему огромных усилий. Наконец он перестал звонить и стал присылать мне имейлы. Длинные и очень подробные, о том, где он был и как он по мне тоскует. Они были ужасно грустные и одинокие, эти письма, читать их было просто невыносимо. И я перестала ему отвечать. Тогда письма стали короче. Меньше эмоций, меньше подробностей, но с неизменной просьбой, чтобы я вернулась. Иногда я чувствовала, что готова поддаться на уговоры – когда красивый, замечательный мужчина настойчиво умоляет тебя принять его любовь, трудно ее отвергать, но, впрочем, то были минуты слабости, когда я сама испытывала приступы одиночества. Он был мне не нужен. Нет, у меня не было никого другого, о чем я говорила ему сотни раз, хотя, наверное, проще было бы сделать вид, что этот другой есть. Но никто другой мне тоже не нужен. На самом деле. Я просто захотела остановиться на время. Прекратить что-либо делать и куда-либо двигаться.

Я ушла с работы, устроилась в компанию бытовой техники на вдвое меньшую зарплату. Я сняла эту студию, которая раза в четыре меньше, чем прежнее наше жилье. Нашла кота. Кое-кто, возможно, скажет, что я украла его/ее, но все равно, он мой. Я навещаю родителей, когда этого никак нельзя избежать, встречаюсь с друзьями, но лишь в те вечера, когда нет шанса столкнуться с Блейком. А это несложно, он теперь непрерывно в разъездах. Я не скучаю по нему, а если все-таки скучаю, то включаю телевизор и получаю свою порцию Блейка. Я не переживаю из-за бывшей работы, так только, чуть-чуть из-за денег, когда мне нравится какая-нибудь вещь – в магазине или в журнале. Но я просто ухожу из магазина или просто переворачиваю страницу. Я не скучаю по путешествиям. По нашим вечеринкам.

Я вовсе не несчастная.

Вовсе нет.

О'кей, я соврала.

Это он от меня ушел.

Глава третья

Мне пришлось выпить полбутылки, чтобы набраться – нет, не храбрости, я и так ничего не боялась, – набраться жалости. Опорожнив бутылку наполовину, я прониклась сочувствием к своей жизни и набрала наконец номер, указанный в письме. Попутно я откусила кусок шоколадки. После первого же гудка мне ответили. Не дали времени ни прожевать, ни проглотить.

– О-о, пгостите, – промычала я с набитым ртом, – щас, шоколадку доем.

– Ешьте, ешьте, дорогая, не спешите, – весело откликнулась жизнерадостная дама, говорившая с ощутимым акцентом уроженки южных штатов: так, точно смаковала традиционный американ-пай.

Я быстренько дожевала, проглотила и смыла остатки глотком вина. Потом тихонько икнула.

– Все, готово.

– А какой шоколад?

– «Милки Вей».

– Воздушный или с карамелью?

– Воздушный.

– М-м, мой любимый. Чем могу быть полезна?

– Я получила письмо, мне назначена встреча на понедельник. Меня зовут Люси Силчестер.

– Да, мисс Силчестер, вы есть у меня в базе данных. Вам удобно в девять утра?

– Знаете, я ведь на самом деле звоню, чтобы отказаться. Я в понедельник не могу – работаю.

Я думала, она скажет: «Ах мы дураки, назначили встречу на рабочий день» – и предложит все отменить. Но она этого не сделала.

– Что ж, полагаю, мы сможем под вас подстроиться. Когда вы заканчиваете?

– В шесть.

– Как насчет семи?

– Я не смогу, у меня день рождения у подруги, мы все приглашены на ужин.

– Тогда в обеденный перерыв? Подойдет?

– Я должна отогнать машину в мастерскую.

– Ну что же, подводя итоги, мы имеем: вы не сможете прийти на встречу, так как весь день работаете, в перерыв отгоняете машину в ремонт, а вечером ужинаете с друзьями.

– Да. – Я нахмурилась. – Вы что, записываете?

Я слышала, как щелкают клавиши. Это раздражало: они явно намерены добиться своего и вынудить меня найти время. Будут слать мне повестки, пока я не сдамся.

– Похоже, дорогая, – протянула она в своей южной манере – я так и видела, как кусочек яблочного пирога соскальзывает с ее губ, падает на клавиатуру, та шипит, происходит короткое замыкание, и все мои данные навеки стираются из памяти, – вы просто незнакомы с этой системой.

Она вздохнула, и прежде, чем сладкие яблочные речи снова потекли из ее уст, я быстро спросила:

– А что, обычно люди наперед знают, как это происходит?

Видимо, я сбила ее с толку.

– Простите?

– Когда вы связываетесь с людьми, когда *жизнь присылает им повестку*, все заранее знают, как себя вести?

– Ну-у-у, – мелодично пропела она, – некоторые знают, некоторые нет. Но для того-то я здесь и нахожусь. А что вы скажете, если мы упростим дело, и он сам к вам придет? Он не откажется, если я попрошу.

Я было призадумалась, а потом до меня дошло.

– Он?

Она тихонько рассмеялась:

– Да, это многих смущает.

– И это всегда *он*?

– Нет, иногда *она*.

– А от чего это зависит?

– Да как попало, дорогая, наобум. Никого резона тут не найти. Вот как вы или я, родились уж кем родились. А что, есть проблема?

Я обдумала все и не нашла проблемы.

– Нет.

– Итак, когда вам будет удобно, чтобы он пришел?

Она снова застучала по клавишам.

– Пришел? Не надо! – завопила я в трубку.

Мистер Пэн подпрыгнул, открыл глаза, огляделся и снова их закрыл.

– Извините, – сказала я уже поспокойнее. – Но он не может сюда прийти.

– Простите, я так поняла, вы не видите тут проблемы.

– Не вижу проблемы в том, что он мужчина. Я думала, вы меня *об этом* спрашиваете.

Она рассмеялась:

– Ну с чего бы я стала вас об этом спрашивать?

– Не знаю. Иногда об этом спрашивают в Спа-салоне на случай, если кому не нравится, что массажист – мужчина...

И снова она тихонько рассмеялась:

– Я вам гарантирую, он не будет делать массаж ни единой части вашего тела.

«Тела» она произнесла как-то грязно. Меня передернуло.

– В общем, передайте, что мне очень жаль, но сюда он прийти не может.

Я оглядела свою непрезентабельную студию, где мне было так уютно. Милое мое обиталище, моя персональная тихая гавань. Она не предназначена для приема гостей, любовников, соседей, родственников и даже сотрудников спасательных служб, готовых примчаться, чтобы потушить пожар на коврике. Это место только мое. И Мистера Пэна.

Здесь вся мебель тесно сбилась в кучу: под рукой у меня спинка дивана, позади, в двух шагах от него – двуспальная кровать. Справа кухонный стол, слева окна, а рядом с кроватью – дверь в ванную. Таковы размеры моей студии. Но это меня несколько не напрягает. Другое дело – полный бардак, который царит в доме. Платяным шкафом мне служит пол. Я воображаю, будто бы раскиданные по нему вещи – это камни, по которым можно перейти реку вброд. Или дорога из желтого кирпича... ну, вроде того. Содержимое моего гардероба времен обеспеченной жизни оказалось куда обширней всей нынешней квартиры, так что многочисленные пары туфель нашли себе приют на подоконнике, а из длинных пальто, плащей и платьев получились занавески. Я пристроила плечики на карнизе и сдвигаю или раздвигаю их в зависимости от того, кто на небе, солнце или луна. Про ковер я уже сказала. Диван занял небольшое жилое пространство от окна до кухни, и потому попасть в нее можно, только если перелезть через диванную спинку. Нет, я не могу пригласить свою жизнь в такой бардак. И я полностью отдаю себе отчет в том, сколько иронии в этой фразе.

– Ко мне должны прийти чистить ковры, – сообщила я и вздохнула, дескать, вот морока ужасная, даже подумать страшно. Я не соврала. Мой ковер давно *должен* был быть почищен.

– Я вам очень рекомендую фирму «Волшебные чистые ковры», – бодро откликнулась она, точно вдруг переключилась на рекламный блок. – Мой муж (она сказала «мо-ой му-уж») безумно любит полировать свои ботинки, до полного блеска... почему-то именно в гостиной. Так вот, «волшебники» сумели удалить пятна от черного крема, начисто. Понимаете, он храпит. Если я не успеваю заснуть первая, то всю ночь смотрю рекламные ролики, и однажды увидела мужчину, который чистил обувь на белом ковре, точь-в-точь как мой супруг, потому-то я и заинтересовалась. Как будто специально для меня снято было. Я обратилась к ним, и они полностью вывели все ужасные пятна. Запишите, «Волшебные чистые ковры».

Она говорила так настойчиво, что мне захотелось приобрести черную ваксу – проверить силу очистительной магии этих умельцев, и я пошарила глазами в поисках ручки, но, согласно Великому закону о ручках, известному с древнейших времен, ни одной из них поблизости не оказалось. Я нашла маркер. Куда бы записать-то? Бумаги, конечно, тоже не нашлось ни клочка, и я записала на ковре, что было вполне уместно.

– Почему бы вам самой не назвать время, когда вы смогли бы прийти?

На субботу моя мама назначила экстренный семейный сбор.

– Хорошо. Я понимаю, как это важно. Понимаю, что нельзя пренебрегать, если твоя жизнь назначает тебе встречу и все такое, поэтому, несмотря на то что в субботу у меня семейный обед, я с удовольствием повидаяюсь с ним в этот день.

– Ох, дорога-а-я, я обязательно помечу, что вы хотели пропустить обед с вашими близкими, чтобы его повидать, но все же я думаю, не стоит жертвовать интересами родных. Одному богу известно, сколько вам отпущено быть вместе, а потому пусть это будет на следующий день. В воскресенье. Как вам, годится?

Я застонала. Но не вслух, а про себя. Глубоко внутри я издала мучительный, болезненный стон. И мы условились о дне встречи. В воскресенье мы увидимся с моей жизнью, дорожки наши пересекутся, и все, что было скрыто и похоронено в моей душе, вдруг всколыхнется, а потом во мне произойдут невероятные изменения. Так, во всяком случае, утверждала в интервью одна женщина, которая встретила свою жизнь, – я читала в журнале. Там были и ее фотографии, до и после, для пущего убеждения неразвитых читателей, которые не способны рисовать в воображении зрительные образы. Занятно, что «до» она не уложила волосы феном, а «после» уложила. «До» не сделала макияж, не сходила в солярий, зато надела легинсы и футболку с Микки Маусом и ее сняли при резкой вспышке, а вот «после» она пришла на съемку в студию с профессионально выставленным светом и надела изящное модное платье. В студийной кухне она позировала рядом с высокой вазой, полной искусно разложенных лимонов и лаймов, словно желая показать, что жизнь научила ее ценить цитрусовые ароматы. Жуткие очки она сменила на контактные линзы. Интересно, кто же изменил ее больше – жизнь или умелая рука стилиста из журнала?

Итак, через неделю я встречу свою жизнь. И моя Жизнь – мужчина. Но почему я? У меня все замечательно. Я себя прекрасно чувствую, и вообще все у меня прекрасно.

А затем я откинулась на спину и стала думать, глядя на свои занавески, что же мне надеть.

Глава четвертая

В судьбоносную субботу, наступления которой я опасалась еще до того, как услышала про семейный обед, я подкатила на своем «жуке» выпуска 1984 года к воротам родительского дома. Всю дорогу из выхлопной трубы бедного «фольксвагена» раздавался устрашающий рев, и я поймала несколько осуждающих взглядов – обитатели здешних процветающих владений не одобряли столь нездоровое проявление убожества. Подъехать прямо к дому я не могла, надо было ждать у ворот, так что это мало походило на радостное возвращение в родные пенаты. Впрочем, родного в этих пенатах ничего и не было. Здесь мои родители жили, когда им надоело загородный коттедж. А когда надоело и тут, перебирались на городскую квартиру. Тот факт, что я вынуждена была торчать у ворот, пока их соизволят открыть, подчеркивал нашу разобщенность с этим местом. Мои друзья, когда навещали своих родителей, запросто подъезжали ко входу, они либо знали код, либо у них были ключи. Я не знала даже, где у нас стоят кофейные чашки. Массивные ворота призваны оградить хозяев от бродяг и прочих асоциальных личностей – включая дочерей, хотя мне, по правде говоря, куда страшнее оказаться за оградой, как в ловушке, из которой нельзя выбраться. Грабитель перемахнул бы через стену, чтобы проникнуть в дом, я бы вскарабкалась на нее, чтобы оттуда удрать.

Автомобиль – я назвала его Себастиан, в честь дедушки, который никогда не выпускал изо рта сигару, отчего в итоге заполучил лающий хриплый кашель, отправивший его в могилу, – похоже, почуял мое настроение и стал упираться всеми силами, едва осознал, куда мы направляемся.

Путь к дому родителей крут и извилист. Узкие, продуваемые ветром дороги Глендалоха ныряют вниз и взмывают вверх, кружат, огибая путаным лабиринтом один огромный особняк за другим.

Себастиан остановился и зафырчал. Я опустила окно и нажала кнопку домофона.

– Привет, вы прибыли в Силчестеровский приют для сексуальных извращенцев. Чем можем помочь, чтобы удовлетворить ваши потребности? – с придыханием спросил мужской голос.

– Перестань валять дурака.

Из домофона раздался взрыв хохота, что привлекло внимание двух накачанных ботоксом блондинок, проходивших мимо в ускоренном темпе – они занимались спортивной ходьбой. Блондинки оборвали обмен секретными сплетнями, и хвосты на их затылках дружно качнулись, когда они повернули головы. Я улыбнулась, но, увидев серое заурядное создание в железной развалюхе, обе разом отвернулись и двинули дальше, чуть потряхивая задницами, затянутыми в крошечные, выше линии бикини, кусочки лайкры.

Ворота дрогнули, отомкнулись и разошлись в стороны.

– О'кей, Себастиан, поехали.

«Жук» судорожно дернулся, зная, что ждет его впереди: два часа бок о бок с компанией надменных машин-аристократок, с которыми у него нет ничего общего. Нечто похожее ожидало и меня. Длинная гравиевая дорожка привела нас на парковку. Тут же находится и фонтан: лев, изрыгающий поток мутной воды. Я припарковалась подальше от отцовских машин, болотно-зеленого «ягуара XJ» и «моргана» 1960 года, который он называет своим «авто для уик-эндов». Отец водит его в винтажных кожаных перчатках и огромных защитных очках, как будто он Дик Ван Дайк в знаменитом фильме «Пиф-паф, ой-ой-ой». Рядом стоял черный внедорожник моей мамы. Она специально искала автомобиль, требующий от водителя минимальных усилий, а у этого датчики парковки настолько чувствительные, что предупреждают о машине, идущей по трассе сбоку через три ряда. По другую сторону площадки расположился «астон-мартин» моего старшего брата Райли и семейный «рейнджровер» Филиппа – он у нас

средний брат, – оснащенный всеми возможными прибабасами, включая телеэкраны на подголовниках, чтобы дети могли развлечься на заднем сиденье в те десять минут, пока их везут с урока бальных танцев на занятия по баскетболу.

– Не глуши мотор, вернусь самое позднее через два часа. – Я похлопала Себастиана по спине.

Да, домик немаленький. Не знаю, что это за стиль, но точно не «в-ампир», как я давным-давно пошутила на рождественском ужине у Шубертов. Тогда это повеселило моих братьев, вызвало неудовольствие отца и прилив гордости у матери – ребенок знает слово «ампир». В любом случае это удивительное в своем роде здание. Изначально поместье построили для лорда Нектли, который вскоре проиграл в карты все свое состояние. Тогда дом продали кому-то, и этот кто-то написал здесь знаменитую книгу, в силу чего мы по закону обязаны иметь на воротах бронзовую табличку с его именем – на потребу чокнутым книголюбам. Но больше на зависть любителям спортивной ходьбы с поджарыми задницами, которые читают ее и недовольно хмурятся, потому что у них на дверях не висят бронзовые таблички. Автор Знаменитой Книги жил в противоправном союзе с Унылым Поэтом, пристроившим к дому восточное крыло, чтобы иногда побыть одному. В доме имеется обширная библиотека, в том числе письма от лорда Нектли к леди Никтовер и его нежная переписка с леди Тайнинг той поры, когда он был уже женат на леди Никтовер. А также рукопись Знаменитой Книги, часть листов из которой вставили в рамки и развесили на стенах библиотеки. Работы Унылого Поэта стоят на полке между атласом мира и биографией Коко Шанель. Он плохо продавался даже после смерти. Автор Книги вляпался в скандальное дело, получившее ход в суде, а затем пропил все деньги, и дом был продан процветающему семейству пивоваров из Баварии. Они приезжали сюда на отдых и пристроили внушительное западное крыло. Тогда же появился теннисный корт, которым, судя по черно-белым фотографиям, их пухлый и явно несчастный сын Бертран в тесном матросском костюмчике пользовался редко. В баре Орехового кабинета сохранились бутылки старого баварского пива. В доме повсюду ощущается присутствие прежних владельцев, и порой я думаю – а какой же след оставят здесь мама с отцом, кроме новейших интерьеров от Ральфа Лорена.

У подножия каменной лестницы меня встретили два загадочных зверя с хмурыми мордами. Никак не пойму, кто они такие: похожи вроде бы на львов, но с рогами, к тому же меня смущают их позы. Эти твари так нервно скрестили лапы, точно не в силах больше терпеть журчание воды в фонтане и должны немедленно сходить в туалет. Мне неизвестно, кто приобрел этих монстров, но я бы поставила на спившегося писателя или Унылого Поэта.

Дверь распахнулась, и в проеме возник братец Райли, ухмыляясь, как Чеширский кот.

– Ты опоздала.

– А ты скотина, – парировала я, вспомнив диалог по домофону.

Он рассмеялся.

Я вскарабкалась по ступеням, пересекла порог и вошла в холл. Пол здесь выложен черно-белыми мраморными плитами, а с высоченного потолка свисает огромная люстра размером с мою студию.

– Как, ты без подарка?

Я охнула. Он шутил, но лишь отчасти. Моя семья исповедует очень строгую религию, то есть принадлежит к Церкви Светского Этикета. И каждое слово, жест или поступок оценивается с одной точки зрения: «Что-скажут-люди?» Этикет предписывает являться в дом с подарком, даже если ты просто заглянул по дороге. Впрочем, мы никогда не «заглядываем по дороге». Мы наносим визиты, назначаем встречи, трубим общий сбор и стягиваем войска.

– А ты что принес?

– Бутылку отцовского любимого красного вина.

– Подхалим.

– Я надеюсь выпить его сам.

– Он не откроет бутылку. Дождется, когда все его близкие сойдут в могилу, и только тогда, за закрытыми дверями, прикинет, не распить ли ее в одиночку. Спорим на десятку, нет, даже на двадцатку, – мне нужны были деньги на бензин, – что не откроет?

– Даже трогательно, как хорошо ты его знаешь, но я все же верю в отца. Спорим.

Мы ударили по рукам.

– Что ты принес для мамы?

По ходу дела я озиралась, пытаюсь найти, что можно стирить в качестве подарка.

– Свечу ручной работы и масло для ванны. И прежде чем ты спросишь, где я их взял, скажу: нашел у себя дома.

– Неудивительно. Я же их и подарила этой, как бишь ее, ну, той девице, которую ты бросил. Она еще улыбалась как акула.

– Ты сделала Ванессе подарок?

Мы шли по бесконечной анфиладе, из комнаты в комнату, из одной гостиной в другую. Мимо каминов, диванов, на которых нам запрещено сидеть, и кофейных столиков, куда нельзя ставить чашки.

– Да, в качестве утешительного приза.

– Как видишь, она его не оценила.

– Сучка.

– Точно. Сучка с улыбкой акулы, – согласился он, и мы оба хмыкнули.

Наконец мы добрались до последней комнаты в глубине дома. Когда-то леди Никтовер принимала здесь гостей: это была ее малая гостиная. Потом Унылый Поэт сочинял тут вирши, а сейчас мистер и миссис Силчестер устраивают приемы: в стену вделали бар орехового дерева, с затуманенным зеркалом и краниками для пива. На стеклянных полках вдоль стены стоят ряды бутылок с немецким пивом начиная с 1800-х годов. На полу роскошные ковры персикового цвета, ноги в них прямо утопают. Высокие табуреты у стойки обтянуты натуральной кожей, а стулья пониже расставлены тут и там вокруг столов из ореха. Но ключевой элемент – это полностью застекленный эркер, откуда открывается вид вниз, на долину, и вверх, на холмы. В саду у дома цветут розы – целых три акра благоухающих роз, а в открытом бассейне течет проточная вода.

Двустворчатые двери в сад были открыты, гигантские известняковые плиты спускались к воде в центре лужайки. У фонтана, рядом с весело журчащим ручьем, был накрыт стол. Белая льняная скатерть, серебро, хрусталь. У нас в семье все церемонно. Такая дивная картина. Жаль, что мне придется ее нарушить.

Вокруг стола порхала моя мать: в платье до колен из белого твида от Шанель и черно-белых туфлях без каблука. Она элегантно отгоняла ос, грозивших испортить ее обед в саду. Ни один светлый волосок не выбивался из идеальной прически, на бледно-розовых губах витала легкая улыбка. Это неизменная улыбка, она не зависит от того, что творится в мире, в ее жизни или сию минуту в комнате.

Обладатель навороченного «рейнджровера», он же – пластический и реконструктивный хирург, он же – втайне – хирург по увеличению сисек, наш средний брат Филипп уже сидел за столом и разговаривал с бабушкой, как всегда, одетой самым подходящим для данного случая образом – в платье в мелкий цветочек для приемов в саду. Поза у бабушки, как всегда, надменная, спина прямая как штырь, волосы собраны в тугий пучок, губы и щеки в меру подкрашены, на шее жемчужное ожерелье. Руки на коленях, щиколотки вместе – так, без сомнения, учили сидеть в пансионе благородных девиц. Ни жестом, ни словом она не реагировала на то, что говорил Филипп, и скорей всего вовсе его не слушала, внимательно и неодобрительно наблюдая за усилиями моей матери.

Я потупила взгляд и пригладила подол платья.

– Потрясающе выглядишь, – сказал Райли, глядя в сторону, чтобы я не подумала, будто он хочет меня подбодрить. – Похоже, она хочет нам что-то сообщить.

– Угу. Что она нам не родная мать.

– Ты же не всерьез это говоришь? – раздался голос позади нас.

– Эдит!

Я поняла, что это она, даже не успев обернуться. Эдит работала у родителей экономкой тридцать лет кряду. Она всегда была с нами, сколько я себя помню, и заботилась о нас куда больше, чем все четырнадцать нянек, которые перебивали в доме, вместе взятые. В одной руке она держала вазу, а в другой – огромный букет цветов. Поставив вазу на стол, она обняла меня.

– Эдит, какие замечательные цветы!

– Красивые, правда? Купила их сегодня утром, специально съездила в новый супермаркет, вниз к... – Она замолчала и посмотрела на меня подозрительно. – Нет. Нет, нет и нет. – Она отвела руку с букетом подальше. – Люси, я тебе их не дам. В прошлый раз ты забрала пирог, который я испекла на десерт.

– Да, и это была ошибка, которая никогда не повторится, – мрачно согласилась я. – Потому что с тех пор она все время просит меня испечь его еще раз. Да ладно тебе, Эдит, дай я полюбуюсь на них, они правда просто дивные.

Я похлопала ресницами. Эдит покорила судьбе и отдала мне букет.

– Маме очень понравится. Спасибо-спасибо, – нахально улыбнулась я.

Она подавила улыбку. Когда мы были маленькими, ей тоже стоило большого труда отказать нам.

– Ты заслуживаешь того, что тебя сейчас ожидает, – вот все, что я тебе скажу.

После чего она развернулась и пошла на кухню, а ужас, и без того переполнявший меня, грозил теперь выплеснуться через край.

Райли двинулся вперед, а я с букетом пошла по широким ступеням следом за ним, делая два шага там, где ему хватало одного. Он уже спустился в сад, и мамины улыбки при виде ее драгоценного сыночка засверкали подобно фейерверку.

– Люси, милая, какие чудесные цветы, но зачем же, не надо было. – Она взяла букет и принялась осыпать меня благодарностями, точно ей вручили корону Мисс Мира.

Я поцеловала бабушку в щеку. Она ответила легким кивком.

– Привет, Люси. – Филипп встал, чтобы меня чмокнуть.

– Пора нам заканчивать с такими встречами, – тихо сказала я, и он рассмеялся.

Я хотела спросить Филиппа, как поживают дети, я знала, что надо об этом спросить, но Филипп из тех, кто слишком далеко заходит в ответе на простой вопрос. У него открывается словесное недержание, и он в мельчайших подробностях рассказывает, что и как делали его отпрыски с тех пор, как мы виделись в прошлый раз. Я люблю своих племянников, правда люблю, но меня не слишком волнует, что они сегодня ели на завтрак. К тому же я более чем уверена, что это были экологически чистые плоды манго и сушеные финики.

– Надо поставить их в воду, – сказала мама, по-прежнему восторженно любуясь букетом, хотя давно пора было остановиться.

– Я сама поставлю, – ухватила я за представившуюся возможность улизнуть. – Я видела отличную вазу в доме, очень подходящую.

Райли у нее за спиной саркастически покачал головой.

– Спасибо, милая. – Мама была мне так признательна, будто я предложила оплачивать все ее счета до конца жизни. Она смотрела на меня с обожанием. – А ты немного по-другому выглядишь. Сделала что-то с волосами?

Я тут же невольно провела рукой по своей рыжевато-каштановой шевелюре.

– Легла вчера спать с мокрой головой.

Райли засмеялся.

- Ого. Что ж, выглядит прелестно.
- Ты могла заболеть, – изрекла бабушка.
- Но не заболела.
- Могла.
- Но этого не случилось.

Молчание.

Я пошла в дом, увязая каблуками в траве, а доковыляв до ступеней, сдалась и сняла туфли. От камней исходило приятное тепло.

Эдит куда-то унесла вазу из бара, но я ничуть не огорчилась – чем дольше я буду ее искать, тем лучше. По моим прикидкам, с момента, как я приехала, и до отправки на задание «Ваза» прошло уже двадцать минут. Из двух ужасных часов.

– Эдит, – нерешительно позвала я для очистки совести. И пошла из комнаты в комнату, все дальше от кухни, где Эдит, понятное дело, и находилась.

Во внутренний сад выходят пять больших комнат. Одна – из крыла времен пьяницы писателя, две – из центральной части и еще две – из крыла имени баварских пивоваров. Я прошла их насквозь, миновав несколько широких двойных дверей, очутилась в холле и увидела, что массивные двери в кабинете отца, с той стороны холла, открыты. Это бывшая комната Автора Знаменитой Книги, именно там он ее и написал. Отец перелопачивает здесь несметные горы бумаг. Иногда я даже начинала сомневаться, а напечатано ли что-нибудь на этих листах, или он просто перекладывает их из стопки в стопку, чтобы удовлетворить потребность прикасаться к ним, переворачивать их.

У нас с отцом самые наилучшие отношения. Мы иногда думаем совершенно одинаково, как будто мы не два человека, а один. Видя нас, люди поражаются: как много у нас общего, и с каким уважением относится он ко мне, и с каким восхищением я к нему. Нередко он берет на работе выходной, просто чтобы провести день со мной. Он делал так и раньше, еще когда я была маленькой, – единственная девочка в семье, вот он меня и баловал. Все говорили, что я папина дочка. Каждый день он непременно звонит мне, чтобы спросить, как дела, шлет открытки на День святого Валентина, так что я не чувствую себя одинокой. Он и впрямь необыкновенный человек. И у нас необыкновенные отношения. Бывало, в ветреный день мы приезжали на ячменное поле, платье на мне развевалось, мы носились взад-вперед, и он изображал чудовище, которое хочет поймать и защекотать меня, а я убегала, пока не падала в колосья, плещущие, как волны на ветру. Как же мы тогда хохотали.

О'кей, я соврала.

И это, конечно, было понятно из описания ячменных колосьев, плещущих как волны.

Тут я слегка перегнула. По правде говоря, он меня едва выносит, а я его. Но все же мы выносим друг друга – и не выносим свои отношения на всеобщее обсуждение, дабы сохранить мир во всем мире.

Он, разумеется, знал, что я стою в дверях, однако не оторвался от своих бумаг и не посмотрел на меня, а просто перевернул очередную страницу. Всю жизнь он держал эти бумаги вне досягаемости для нас, так что в итоге я просто помешалась на идее хоть одним глазком глянуть, что же там написано. И однажды ночью, когда мне было десять лет, умудрилась проскользнуть в кабинет – он забыл запереть дверь. Сердце бешено стучало у меня в груди, наконец-то я увижу, что там написано! Я увидела... и не поняла ни единого слова. Судебные протоколы, вот что это было. Отец – судья Верховного суда, и чем старше я становилась, тем лучше понимала, насколько он уважаемый человек в своей области. Он – ведущий специалист по уголовному праву в Ирландии и вот уже двадцать лет председательствует на процессах по убийствам и изнасилованиям. Его познания неисчерпаемы. Он придерживается старых взглядов на многие вещи, и далеко не всегда его суждения бесспорны, так что временами, не будь он моим отцом, я вышла бы на улицу протестовать против его вердиктов. Впрочем, возможно,

именно потому, что он мой отец. Он из семьи преподавателей, его отец университетский профессор, мать – престарелая дама в цветастом платье в саду – тоже занимается наукой. Я знаю, что бабушка умеет вызывать высокое напряжение в любом месте, где бы она ни оказалась, но в какой научной области она реализует свои таланты, мне неизвестно. Что-то связанное с земляными червяками и зависимостью их поведения от климата.

Во время учебы в дублинском Тринити-колледже мой отец победил на Европейских меж-университетских дебатах, он член почетного Общества королевских барристеров, чей девиз «*Nolumus Mutari*», то есть «Никаких перемен», и это отлично его характеризует. Я знаю о своем отце только то, о чем извещают мир грамоты и почетные свидетельства, висящие у него в кабинете. Раньше мне казалось, что он окружен ореолом великой тайны, в которую я однажды сумею проникнуть. Казалось, что я разгадаю его секрет и все вдруг обретет истинный смысл, и тогда, на закате его дней – когда он будет стариком, а я уважаемой, прекрасной, самостоятельной и преуспевающей дамой с потрясающим мужем и длиннющими стройными ногами, у которых будет лежать весь мир, – тогда мы наверстаем упущенное. Теперь я вижу, что никакой тайны нет, он просто устроен так, как устроен, а не любим мы друг друга потому, что ни единой своей частичкой не ощущаем взаимопонимания.

Стоя в дверях, я наблюдала, как он склонился над бумагами, низко сдвинув очки на нос. Ряды книжных полок протянулись вдоль дубовых стен его кабинета, стойкий запах пыли, кожи и сигар пропитал здесь все насквозь, хоть отец и бросил курить десять лет назад. Я испытала крошечный прилив нежности, вдруг увидев, как сильно он постарел. Старики как дети – что-то в их манере вести себя вынуждает нас любить их, несмотря на то, что они равнодушны и эгоистичны. Какое-то время я стояла, присматриваясь и прислушиваясь к этой неожиданной нежности, и было бы уже нелогично просто развернуться и уйти, не говоря ни слова. Я кашлянула, а потом решила легонько постучаться в открытую дверь, отчего целлофановая обертка букета громко зашуршала. Он не оторвался от бумаг. Я вошла в кабинет.

Стояла и терпеливо ждала. Потом нетерпеливо. Потом мне захотелось запустить букет ему в голову. Или лучше оборвать все цветы, лепесток за лепестком, и швырнуть ему в лицо. Естественная радость от встречи с отцом переросла в привычное раздражение и злость. С ним всегда все трудно, все непреодолимо и неловко.

– Привет. – Это прозвучало так, будто мне снова лет семь.

Он не взглянул на меня. Вместо того закончил читать одну страницу и затем прочел следующую. Наверное, на это ушла одна минута, но мне показалось, что все пять. Наконец он поднял на меня глаза, снял очки и воззрился на мои босые ноги.

– Принесла вам с мамой эти цветы. Хочу найти для них вазу.

Больше всего я сейчас напоминала себе Красную Шапочку с ее «принесла вам пирожков и горшочек масла».

Молчание.

– Здесь вазы нет.

Мысленно я слышала, как он добавил «гребаная идиотка», но поручиться нельзя, поскольку он из тех, кто говорит «невменяемая», что бесит меня до крайности.

– Да, я знаю. Просто решила сказать «привет» по дороге.

– Ты останешься на обед?

Интересно, что он подразумевает. Хочет, чтобы я осталась, или наоборот? Но что-то он точно подразумевает, он никогда ничего не говорит просто так, в каждой фразе имеется подтекст, например что я законченная имбецилка. Я пыталась понять, что он имеет в виду и что из этого следует. Но не поняла и в итоге сказала:

– Да.

– Увидимся за обедом.

Что означало: «Зачем ты отвлекаешь меня от дела своим кретиническим приветом, если мы все равно с минуты на минуту встретимся за одним столом, идиотка ты невменяемая».

Он надел очки и погрузился в чтение. Мне снова неудержимо захотелось запустить в него цветами, отрывать их один за другим и пулять ему в лоб, но из уважения к букету Эдит я не стала этого делать, а развернулась и пошла прочь, и паркет противно скрипел под босыми ногами. Придя на кухню, я бросила букет в раковину, перехватила кое-чего пожевать и пошла обратно в сад. Отец был уже там, здоровался с сыновьями. Крепкие рукопожатия, глубокие звучные голоса: спектакль под названием «Мы – мужчины». Потом они в момент проглотили по фазаньей ножке, сдвинули оловянные кружки, облапали парочку девиц за сиськи, утерли лоснящиеся губы и дружно рыгнули – так мне, по крайней мере, привиделось, – а затем уселись за стол.

– Милый, ты еще не поздоровался с Люси, она ходила за вазой для чудесного букета, который нам подарила.

Мама опять улыбалась мне так, точно лучше меня никого на свете нету. Никто на свете лучше нее так улыбаться не умеет.

– Мы уже виделись в доме.

– О, прекрасно. – Мама не сводила с меня глаз. – Ты нашла вазу?

Я посмотрела на Эдит, которая ставила на стол корзинку с рогаликами.

– Да, нашла. На кухне, рядом с мусоркой. – И я ласково улыбнулась, зная, что она сочтет, будто я туда их и отправила, чего я не сделала, но мне хотелось ее подразнить.

– Конечно, там ты уже и пообедала, – так же ласково откликнулась Эдит, и мама растерянно поглядела на нас. – Вина? – спросила Эдит, обращаясь поверх моей головы ко всем, кроме меня.

– Нет, не могу, я на машине, – тем не менее откликнулась я. – А вот Райли мечтает выпить бокал того вина, что подарил отцу.

– Райли на машине, – сказал отец, ни к кому конкретно не адресуясь.

– Глоточек-то ему можно.

– Людей, которые садятся за руль выпив, следует отправлять в тюрьму, – отрезал он.

– Тебя же не смутило, что он выпил бокал красного на прошлой неделе.

Я старалась, чтобы это не прозвучало вызывающе, но у меня не слишком получилось.

– Если бы на прошлой неделе один невменяемый водитель не сел за руль пьяным, его маленький сын не вылетел бы сквозь лобовое стекло.

– Ну, Райли, я же тебе говорила!

Конечно, это прозвучало бестактно, а я отчасти этого и добивалась, чтобы досадить отцу, который тут же принялся беседовать со своей матерью, словно я ничего и не говорила. Райли осуждающе покачал головой – то ли из-за моего чувства юмора, то ли из-за того, что ему не удастся пригубить отцовского вина. Как бы то ни было, пари он проиграл. Он полез в карман, достал двадцать евро и вручил мне. Отец наблюдал за этой транзакцией весьма неодобрительно.

– Я был ей должен, – пояснил Райли.

Никто за этим столом не верил, что у меня была возможность дать взаймы, так что все обернулось против меня. В очередной раз.

– Знаете, – сказала мама, когда Эдит закончила разносить еду и все затихли, – Ифа Макморроу на прошлой неделе вышла замуж за Уилла Уилсона.

– Ой, как я рада за нее, – восторженно сказала я, запихивая в рот рогалик. – А кто такая Ифа Макморроу?

Райли расхохотался.

– Вы вместе ходили на танцы, дорогая, на степ. – Мама смотрела на меня с искренним удивлением: как это я могла забыть девочку, с которой мы в шесть лет занимались степом. – А у Лауры Макдональд родилась дочка.

– Ур-р-ра!

Райли с Филиппом рассмеялись. Больше никто. Мама попыталась было, но не сумела.

– Я встретила ее мать вчера на экологической ярмарке, она показала мне фотографию. Пре-елестнейшая малышка. Так бы ее и съела. Представьте, Лаура вышла замуж и в тот же год родила ребенка.

Я натянуто улыбалась. Райли сверлил меня взглядом, призывая к спокойствию.

– Девочка родилась больше четырех с половиной килограммов, надо же, Люси, ты можешь в это поверить?

– Джексон весил четыре двести, – сказал Филипп, – Люк три шестьсот, а Джемайма – три сто пятьдесят.

Все разом посмотрели на него, выражая заинтересованность, и он смачно откусил полрогалика.

– Как же чудесно, – мама напряженно прищурилась и, приподняв плечи, подалась ко мне через стол, – быть матерью.

И надолго замерла в этой позе.

– В двадцать лет я уже была замужем, – заявила бабушка так, точно это был необычайный подвиг. Затем она перестала намазывать хлеб маслом и вонзила в меня острый взгляд. – В двадцать четыре закончила университет, а в двадцать семь родила третьего ребенка.

Я кивнула, благоговея. Все это я уже неоднократно слышала.

– Надеюсь, тебе выдадут медаль.

– Медаль?

– Просто выражение такое. В смысле, награду за великие заслуги.

Я пыталась обуздать злой сарказм, который так и рвался на игровое поле. Он разогревался за боковой линией, умоляя меня выпустить его на замену вежливости и терпимости.

– Не заслуги, Люси, а разумные поступки.

Мама встала на мою защиту:

– Сейчас многие рожают детей лет под тридцать.

– Но ей уже тридцать.

– Будет через пару недель. – Я выдавила улыбочку. Готовый к схватке сарказм стремился выйти на площадку и забить мяч.

– Если ты считаешь, что двух недель достаточно, чтобы заиметь ребенка, тебе еще многое предстоит узнать, – сказала бабушка, откусывая хлеб.

– А иногда и позже рожают, – сообщила мама.

От этого бабушка небрежно отмахнулась.

– Многие сначала делают карьеру. – Мама проявляла настойчивость.

– Это ей не грозит. Вот я, по-вашему, что у себя в лаборатории делала? Булочки пекла?

Мама была повержена. Рогалики к сегодняшнему обеду пекла именно она. Она вообще сама пекла хлеб, о чем прекрасно знали все, включая бабушку.

– В любом случае не кормила там детей грудью, – пробормотала я себе под нос, но все услышали и поглядели на меня, и отнюдь не все одобрительно. Я чувствовала, что надо пояснить свои слова. – Отец, на мой взгляд, не производит впечатление человека, которого кормили грудью.

Если бы глаза у Райли открылись еще чуть пошире, они бы точно вылезли на лоб. Как он ни старался сдержаться, смех вырвался наружу с каким-то странным булькающим звуком. Отец взял газету и отгородился ею от неприятного разговора. Она аж хрустнула у него в руках, когда

он открыл ее, и я уверена, что точно так же хрустнул его резко выпрямившийся позвоночник. Мы потеряли его, он от нас ушел. Ушел за газетную стену.

– Пойду проверю закуски, – негромко сказала мама, изящно выскользнув из-за стола.

Я не унаследовала ее изящества. Его унаследовал Райли. Изысканный и обходительный, он прямо излучает обаяние. Хотя он и мой брат, я прекрасно понимаю, насколько он привлекателен для женщин в свои тридцать пять лет. Выгодный жених, что и говорить. Он пошел по стопам отца, занялся уголовным правом и сейчас, безусловно, один из лучших адвокатов в стране. Так о нем говорят, шанса проверить его таланты на личном опыте у меня пока не было, но я не исключаю такой возможности. У меня возникает теплое щекочущее чувство, когда я представляю себе, как мой брат добивается оправдательного приговора и меня выпускают из тюрьмы. Его нередко показывают в новостях возле здания суда, рядом с людьми в спортивных куртках, натянутых на голову, и в наручниках, пристегнутых к полицейскому. Я не раз попадала в неловкую ситуацию, когда вдруг с гордостью начинала вопить в людном месте, увидев его по телевизору: «Вон мой брат!», а в ответ меня награждали негодующими взглядами, и мне приходилось пояснять, что брат не тот, в куртке, натянутой на голову, которого обвиняют в жестоких преступлениях, а тот, что в стильном костюме, но никто уже меня не слушал. Я была уверена, что Райли живет припеваючи: на него не давят, что пора, дескать, заводить семью, отчасти потому что он мужчина, а у нас в доме двойные стандарты, отчасти потому, что мама питает к нему безумную любовь, а это означает, что в мире нет женщины, которая была бы его достойна. Мама никогда не придирается и не сетует, но она очень умело подчеркивает недостатки любой «опасной» женщины в надежде посеять в Райли семена неистребимого сомнения. Она бы добилась окончательного успеха, если бы просто показывала ему в детстве картинку с изображением вагины и при этом неодобрительно качала головой, приговаривая «ай-я-яй». Она в восторге, что сын живет в шикарной холостяцкой квартире, и навещает его там на выходных, чтобы дать выход своему неудержимому чувству. Думаю, она любила бы его еще больше, будь он геем – никаких соперниц, да и гомосексуализм – это нынче круто. Я слышала, как она однажды это сказала.

Мама вернулась с подносом: всем салаты с омаром и, памятуя о безобразно-ракообразном происшествии на обеде у Хорганов в Кинсейле, в котором участвовала я, тигровые креветки и спасательная команда, мне салат с дыней.

Я посмотрела на часы. Райли понял намек.

– Мама, не томи, что ты хотела нам поведать? – Он произнес это так, что все за столом подняли головы. Он умеет спланировать людей.

– Мне не надо. Не люблю омаров. – Бабушка отстранила тарелку еще до того, как ее успели перед ней поставить.

Мама слегка растерялась, потом вспомнила, почему мы все здесь собрались, и посмотрела на отца. Отец по-прежнему читал газету, не ведая, что омары уже ждут его. Тогда она села за стол и взволнованно заявила:

– О'кей, я скажу. Как вы все знаете, в июле у нас годовщина свадьбы – тридцать пять лет. – Она обвела нас взглядом, в котором читалось «как же быстро летит время». – И мы решили отпраздновать это событие, – глаза ее сияли, – обновив наши брачные обеты!

От волнения голос ее сорвался, и последние слова она выкрикнула на пронзительно-истерической ноте. Даже отец опустил газету, чтобы посмотреть на нее, затем обнаружил омаров, отложил газету и принялся за еду.

– Ого, – сказала я.

За последние два года многие мои друзья переженились. Похоже, это заразное поветрие – стоит одному вступить в брак, как все остальные немедленно объявляют о помолвке и вот, глядишь, уже чинно движутся к алтарю, как спесивые павы. Я видела разумных, современных женщин, превратившихся в абсолютных психопатов, жаждущих неукоснительного соблюдения

ритуала и традиций – то есть как раз того, против чего они яростно боролись всю свою сознательную жизнь. Я и сама в дурацких неудобных платьях принимала участие в этих ритуалах, но то другое дело. А здесь речь идет о моей матери, так что все будет неизмеримо, катастрофически ужаснее.

– Филипп, милый, папа хочет, чтобы ты был шафером.

Филипп порозовел и стал как будто выше. Он молча кивнул – такая честь, что бедняга лишился дара речи.

– Райли, дорогой мой, ты готов проводить меня к алтарю?

Райли разулыбался.

– Всю жизнь мечтал тебя куда-нибудь спроводить.

Все засмеялись, включая и бабушку, которую радуют шуточки в адрес моей матери. Я нервно сглотнула, зная, что будет дальше. Мама оборотилась ко мне, но все, что я видела, была ее огромная улыбка во весь рот, которая вытеснила с лица глаза и нос и оставила только губы, проговорившие кошмарные слова:

– Солнышко, будешь подружкой невесты? И может быть, ты опять так уложишь волосы, тебе это очень идет.

– Она простудится, – сказала бабушка.

– Вчера она не простудилась.

– Но риск есть. Тебя это не смущает?

– Мы закажем ей носовые платочки из той же ткани, что и платье, просто на всякий случай.

– Не стоит, если это будет из такой же ткани, как твое первое свадебное платье.

Ну все, конец моей жизни.

Я посмотрела на часы.

– Как жалко, что ты так рано уходишь, нам нужно еще столько всего обсудить. Может быть, приедешь завтра, и мы подробно все обговорим? – оживленно, но безо всякой надежды спросила мама.

Вот так дилемма. Жизнь или семья. Одно хуже другого.

– Я не смогу, – ответила я, и воцарилось глубокое молчание. Силчестеры не отказываются от приглашения, это расценивается как грубость. Ты вынуждена бесконечно мотаться по вечеринкам и званым обедам, из кожи вон лезть, чтобы не пропустить ни единого приглашения, чуть ли не двойников себе нанимать, составлять сложные схемы и маршруты, дабы выполнить все обещания, которые дала ты сама или кто-то за тебя без твоего ведома.

– Но почему, дорогая? – Мама пыталась изобразить озабоченность, а в глазах ее я прочла «ты меня подводишь».

– Возможно, я смогу ненадолго заехать, но в двенадцать у меня встреча, и я не знаю, сколько она продлится.

– А с кем встреча? – поинтересовалась мама.

Ладно, рано или поздно все равно придется им сказать.

– Да с моей жизнью.

Я сказала об этом как о чем-то обыденном, надеясь, что они не уловят суть. И ждала, что они примутся задавать вопросы, мысленно подыскивая объяснения, что это вроде как приносящим тебя выбирают, по случайности, и что беспокоиться им не о чем, в моей жизни все прекрасно, просто замечательно.

– О-о! – выдохнула мама. – О господи, я *поверить* в это не могу! – Она посмотрела на остальных. – Вот уж сюрприз так сюрприз, правда? Ты нас так *удивила*. Боже мой, так *удивила*.

Первым делом я поглядела на Райли. Он смущенно уставился в тарелку, повертел вилку и задумчиво потыкал кусок хлеба. Затем на Филиппа – он немного покраснел. Бабушка отвернулась, словно в воздухе дурно пахло и виновата в этом моя мать. На отца я смотреть не могла.

– Вы знали.

Мама провела рукой по щеке.

– Разве же я знала?

– Все знали.

Она нервно пригладила волосы.

– Откуда вы узнали? – Да, я повысила голос, хотя Силчестеры себе такого не позволяют.

Никто не ответил.

– Райли?

Он наконец поднял голову и слегка улыбнулся.

– Мы должны были подписать бумаги, Люси, подтвердить, что мы не возражаем.

– Ах вот как! Так ты был в курсе?!

– Солнышко, Райли не виноват, это я его попросила. Нужны были минимум две подписи.

– Кто еще подписал? – Я гневно оглядела их. – Вы все, да?

– Потихонечко, юная леди, – скривилась бабушка.

Мне страшно захотелось швырнуть мамины рогаляки ей в физиономию или затолкать в глотку салат из омаров. Наверное, это было так очевидно, что Филипп призвал всех успокоиться.

Не знаю, чем кончился их разговор, потому что я уже мчалась прочь по саду – не бегом, Силчестеры не убегают, – но очень быстрым шагом, чтобы скорее оказаться от них как можно дальше. Конечно, выходя из-за стола, я промямлила какие-то извинения, дескать, мне пора, я опаздываю на встречу, а тогда уж вежливо откланялась. И только выйдя из дома и спустившись к гравийной парковке, поняла, что забыла туфли на задней лужайке. Мне пришлось закусить губы, чтобы не завопить во все горло, пока я ковыляла до Себастиана, а там я изо всех сил нажала на газ и рванула к воротам. Себастиан радостно пыхтел, предчувствуя счастливое избавление, но очень быстро на нашем пути к свободе возникла преграда в виде закрытых ворот. Я опустила стекло и нажала кнопку домофона.

– Люси, – сказал Райли, – ну успокойся, не сердись.

– Выпусти меня.

– Она это сделала ради тебя.

– Не притворяйся, будто ты ни при чем.

– О'кей, мы это сделали для тебя.

– Зачем? У меня все отлично.

– Да, ты упорно это твердишь.

– Потому что я твердо в этом уверена. – Мне немного полегчало. – Открой ворота.

Глава пятая

Воскресенье. Оно угрожающе нависало надо мной, как здоровенная горилла над небо-скребом в том фильме, и наконец сжало меня в губительных объятиях. Ночью мне снились разные сценарии моей встречи с жизнью. По одним все сошло гладко, по другим не очень, а в одном вообще были сплошь песни и танцы. Мы обсудили с Жизнью все мыслимые темы – в том странном, чудном ключе, в каком говорят во сне, когда, проснувшись, обнаруживаешь, что смысла в этом не было ни малейшего. И вот я проснулась, совершенно измученная. Снова покрепче закрыла глаза, настраиваясь на непристойный сон про шустрого бродягу в метро, но ничего не получилось. Жизнь беспрерывно врывалась, точнее, врывался к нам, как подозрительный родитель в комнату к распушенному подростку. Сон не шел, сознание уже включилось и заработало: в голове возникали умные фразы, находчивые ответы, остроумные возражения, проницательные догадки, варианты, как, никого не обидев, отказаться от встречи, а на их фоне – мысли о том, что же мне надеть. Я открыла глаза и села. Мистер Пэн потянулся и посмотрел на меня.

– Доброе утро, Хилари, – сказала я, и он замурлыкал.

Какой я хочу предстать перед своей жизнью? Разумной, очаровательной, вожаемой, элегантной женщиной с отменным чувством юмора и вкусом. Хочу, чтобы моя Жизнь знал, что я в полной мере обладаю этими качествами и у меня все великолепно. Я тщательно изучила свои наряды на окне. Раздвинула их во всю длину карниза. Оценила достоинства разных туфель на подоконнике. Затем выглянула в окно – понять, какая нынче погода. Нет, все это не подходит, придется лезть в гардероб. Я изогнулась и открыла дверцу, но не во всю ширь, потому что она уперлась в кровать. Не важно, я и так вижу вполне достаточно. Лампочка в гардеробе перегорела год назад, так что я дотянулась до фонарика на полочке и посветила себе. Выбрала брючный костюм. Плотный облегающий. Длинный черный пиджак, накладные плечи – привет вам, восьмидесятые. Черная блузка без воротника. Черные туфли – каблук восемь с половиной сантиметров. О чем это говорит? Мне – о Дженнифер Энистон на обложке журнала «Грация», а Жизни, надеюсь, скажет – будь проще, расслабься, видишь, приличный человек в приличном костюме. Полагаю, некоторым такой наряд говорит, что кто-то умер и я иду на похороны, но хотелось верить, что Жизнь не станет думать о смерти.

Когда я уходила, Мистер Пэн сидел в туфле с открытым носком и на высокой платформе, пристально вглядываясь в Джина Келли в матроске из «Увольнения в город». Я пообещала в ближайшие дни вывести его на прогулку.

Войдя в лифт, я услышала, как у соседки хлопнула входная дверь. Нажала кнопку, но поздно. Она успела просунуть кроссовку в закрывающиеся двери, и я попалась.

– Чуть не уехал. – Она улыбнулась.

Двери разошлись, и обнаружилась детская коляска. На плече у соседки висел туго набитый рюкзак. Все они втиснулись в кабину, и меня едва не вынесло обратно на площадку.

– Честное слово, у нас каждый день на сборы уходит все больше времени. – Она утерла вспотевший лоб.

Я неловко улыбнулась, удивляясь, что она со мной заговорила, – мы ни разу не разговаривали – и уставилась на панель, где загорались номера этажей.

– Он вам не мешал ночью?

Я посмотрела в коляску.

– Нет.

Она очень удивилась.

– Я полночи не спала, так он надрывался. Думала, весь дом перебудит, и все ждала, когда соседи примутся мне в дверь колотить. Бедняжка, у него зубки режутся и щечки прямо горят от диатеза.

Я опять заглянула в коляску. Ничего не сказала.

Она зевнула.

– Ну, хоть погода этим летом славная, а то хуже нет, чем сидеть с младенцем взаперти.

– Да-а, – подтвердила я, и двери наконец открылись. – Всего вам доброго. – Я поскорей вышла, пока она не успела сказать что-нибудь еще.

Наверное, можно было и пешком дойти до места, но я взяла такси, поскольку в метро в это время шустрого бродяги не будет, а полагаться на Себастиана после вчерашнего путешествия по горам неразумно. Кроме того, я плохо знала тот район и боялась заблудиться. Не хватало еще прийти на встречу со своей жизнью с мокрыми подмышками и натертыми ногами. Кошмарное офисное здание было видно за целую милю: высоченная бетонная коробка бурого цвета на сваях, со стальными рамами, явно построенная в шестидесятых годах, когда вошли в моду такие конструкции в стиле «лего». В воскресенье в здании было безлюдно, и на парковке стояла всего одна машина со спущенным колесом. Просто не смогла уехать. Будка охранника пустовала, шлагбаум был поднят. Всем плевать, пусть бы это сооружение оторвалось от земли и улетело на другую планету, никто не расстроится, такое оно уродливое и заброшенное. Внутри пахло сыростью и ванильным освежителем воздуха. Почти весь маленький вестибюль занимала стойка администратора, настолько высокая, что из-за нее виднелась лишь чья-то макушка – с пышными, зачесанными назад волосами, обильно политыми спреем. Подойдя ближе, я поняла, что пахнет вовсе не освежителем, а духами.

Дама за стойкой густо накладывала на ногти кроваво-красный лак, так густо, что получалась какая-то каша. Она смотрела сериал «Коломбо» по мини-телевизору.

«И вот еще что...» – сказал Коломбо.

– Нате вам, – усмехнулась дама. Она не посмотрела на меня, но знала, что я тут. – Он раскусил, кто это сделал, точно говорю.

Это была та самая Американ-Пай, с которой я общалась по телефону. Коломбо попросил у убийцы автограф для своей жены, и тогда она наконец повернулась ко мне:

– Итак, чем могу помочь?

– Я звонила вам на этой неделе, меня зовут Люси Силчестер, мне назначена встреча с Жизнью. – Я тоненько хихикнула.

– Как же, помню-помню. Люси Силчестер. Вы уже позвонили насчет чистки ковров?

– О... нет, еще нет.

– Ну, милая, больше мне добавить нечего, я вам и так расхвалила их как могла. – Она положила на стойку деловую визитку и пододвинула ко мне. Не знаю, припасла ли она ее лично для меня или ей так нравится эта фирма, что она вообще всюду ходит с пачкой их визиток, раздавая всем и каждому. – Вы обещаете, что теперь уж точно позвоните, правда?

Меня позабавила ее настойчивость, и я пообещала.

– Сейчас я сообщу ему, что вы пришли.

Она сняла трубку.

– К вам пришла Люси.

Я наострила уши, чтобы услышать его голос, но без толку.

– Да, ладненько, направляю ее к вам.

И потом уже мне:

– На лифте, на десятый этаж. Там направо, потом налево – и увидите его.

Я двинулась к лифту, но притормозила.

– Какой он?

– Ой, да не переживайте. Вы же не боитесь, правда?

– Нет, – я пренебрежительно махнула рукой, – чего мне бояться? – И снова тоненько хихикнула, так что всем в радиусе пяти миль вокруг стало ясно, что я, конечно, боюсь, и пошла к лифту.

У меня было десять этажей, чтобы настроиться и явиться во всем великолепии. Я пригладила волосы, расправила плечи, сексуально, но невинно сложила губки. Большой палец в карман, остальные наружу – отличный жест. Я выгляжу ровно так, как хотела. Тут двери открылись, и я увидела кресло с рваной кожаной обивкой, на нем растрепанный женский журнал без обложки и деревянную дверь в прозрачной стене, местами завешанной жалюзи. Войдя в эту дверь, я оказалась в комнате размером с футбольное поле, перед лабиринтом серых перегородок, отделявших друг от друга рабочие места. Крошечные столы, старые компьютеры, потертые стулья, фотографии детей, собак и кошек, прищипленные над столами, личные коврики для мышек, ручки с пушистыми розовыми насадками, скринсейверы с отпускными фотками, поздравительные открытки, приятные безделушки и яркие кофейные кружки со смешными надписями, в которых нет ничего смешного. Все эти вещи призваны придать немного домашнего уюта убогим офисным клетушкам. У нас на работе все точно так же, и мне немедленно захотелось что-нибудь отксерить, чтобы убить время.

Я пошла по серому лабиринту, вертя головой туда-сюда, спрашивая себя, что же, черт подери, я надеюсь здесь углядеть, и всячески пытаюсь сохранить невозмутимо-доброжелательный вид, хотя в глубине души была разочарована, что наша с Жизнью ответственная встреча произойдет в этой отстойной дыре. И вдруг я увидела его. Мою Жизнь. Он притиснулся к задрипанному столу и, низко склоняясь над блокнотом, торопливо выводил какие-то каракули. Серый помятый костюм, серая рубашка и серый галстук с тройной спиралью. Черные с легкой проседью волосы взъерошены, на лице многодневная щетина. Он поднял голову, увидел меня, отложил ручку и встал, а потом вытер ладони о пиджак, и на нем остались влажные пятна. У него были черные круги под глазами, а сами глаза покраснели, он шмыгал носом и, похоже, не спал уже много лет подряд.

– Вы... э-э? – Я состроила легкую игривую улыбку.

– Да, – глухо откликнулся он. – А вы Люси, – он протянул мне руку, – привет.

Я устремилась к нему широким бодрым шагом, изображая, что безумно рада встрече. Схватила его руку и энергично ее встряхнула, улыбаясь шире некуда, надеясь понравиться ему, доказать ему, что у меня все прекрасно, все просто великолепно. Он ответил вяло, ладонь у него была липкая, и она быстро, как змея, выскользнула прочь.

– Ну вот, – сказала я с преувеличенным восторгом, – вот мы наконец и встретились.

Я села на покоцанный стул, сделала очень заинтересованное лицо и попыталась поймать его взгляд.

– Как поживаете?

Пожалуй, я слегка переусердствовала с восторженностью. Это место было слишком большим, пустым, безликим и унылым для подобного тона, но я уже не могла остановиться.

Он посмотрел на меня и сказал:

– И как я, по-вашему, поживаю?

Это было грубо. На самом деле грубо. Я оторопела и не знала, что сказать. Разве можно так разговаривать? А где вежливое притворство, попытка сделать вид, что мы нравимся друг другу, что мы оба счастливы быть здесь и непременно встретимся снова? Я невольно огляделась, надеясь, что никто нас не слышит.

– Тут никого нет, – обронил он, – по воскресеньям никто не работает. У каждого из них есть своя жизнь.

Я с трудом поборола желание нагрубить ему в ответ и вежливо поинтересовалась:

– А разве жизни других людей не работают в этом офисе?

– Нет. – Он смотрел на меня как на тупицу. – Я просто снял это помещение и не знаю, чем они тут занимаются. – Он кивнул на пустые клетушки.

И опять я растерялась и не понимала, как реагировать. Все шло не так, как следовало.

Он устало потер лицо.

– Я не хотел говорить грубости.

– Но сказали.

– Что ж, я сожалею. – В его словах не было ни грана искренности.

– Не похоже.

Молчание.

– Послушайте. – Он наклонился ко мне, и я, сама того не желая, отшатнулась. У него плохо пахло изо рта. Ужасно неловкая ситуация.

Он вздохнул и продолжил:

– Представьте, что у вас были друзья, всегда готовые поддержать и прийти на помощь. И вы всегда готовы были помочь им, но потом они стали делать это уже не так охотно, как раньше, и вы отчасти могли их понять, ведь у всех куча своих дел, но чем дальше, тем реже и реже они выручали вас, не обращая больше внимания на ваши убедительные просьбы. А затем вдруг однажды – пустота, никого нет. Хоп, и все. Вы пишете им письма, они не отвечают, вы снова пишете, они снова не отвечают, и наконец вы пишете им еще раз, а они даже не хотят сделать вид, что готовы повидаться, так они заняты своей работой, друзьями и машиной. Каково бы вам было?

– Слушайте, я понимаю, что вы на меня намекаете, но это же ерунда какая-то. – Я засмеялась. – Это просто нелепо, я бы никогда не поступила так с друзьями.

Он криво улыбнулся.

– Однако вы поступаете так со своей жизнью.

Я открыла рот, но не нашла, что сказать.

– Ладно, давайте начнем. – Он нажал на кнопку, чтобы включить компьютер.

Не сработало. Мы молча сидели в тишине, напряженные и скованные. Он снова нажал на кнопку, потом еще и еще, проверил розетку, выдернул из нее шнур, воткнул обратно.

– А вы проверьте...

– Я сам справлюсь, спасибо. Уберите руки, пожалуйста, убе...

– ...проверьте вот это...

– ...руки не надо туда...

– ...вот это соединение здесь...

– Прошу вас, не встрева...

– Готово.

Я вернулась на свое место. Компьютер зажужжал.

Он потихоньку перевел дух.

– Благодарю вас.

Ничуть он не благодарен.

– Какого года этот ящик – восьмидесятого?

– Да, того же, что ваш пиджак, – ответил он, глядя в монитор.

– Детский сад, честное слово.

Я плотнее запахнула пиджак. Скрестила руки на груди, положила ногу на ногу и отвернулась от него. Кошмар какой-то, в сто раз хуже, чем я себе и вообразить могла. Моя жизнь – мерзкий тип, хам и склочник.

– А вы себе как это представляли? – Он решил нарушить молчание.

– Никак я себе это не представляла, – раздраженно заявила я.

– Ну, что-то же вы об этом думали.

Я пожала плечами, потом вспомнила, что среди прочего представляла себе: мы с ним плывем на каноэ по живописной речке, он гребет, а я читаю сборник стихов, на мне широкополая шляпа и платье от Кавалли, которое я видела в журнале и которое мне не по карману – так же, как и журнал. Еще я представляла, как буду давать интервью о своей Жизни: волосы уложены феном, тщательный макияж, контактные линзы, ниспадающее складками платье, выгодное освещение. Возможно, даже ваза с лимонами и лаймами на столе. Я вздохнула и наконец посмотрела на него.

– Я думала, это будет похоже на сеанс у психотерапевта. Вы меня спросите про работу, про мою семью, счастлива ли я и всякое такое.

– Вы когда-нибудь ходили к психотерапевту?

– Нет.

Он пристально смотрел мне в лицо.

– Да. Один раз. Когда уволилась с работы. Я тогда еще бросила своего бойфренда и купила квартиру.

Он глядел на меня не мигая.

– Вас уволили. Ваш бойфренд ушел от вас, и вы снимаете студию.

Я слабо усмехнулась:

– Хотела вас проверить.

– Для пользы дела будет лучше, если вы не станете мне врать.

– Раз в конечном счете все сходится, то, значит, это и не вранье. Важен результат.

Он слегка повеселел, насколько в применении к нему можно говорить о веселье.

– Расскажите, как это у вас так получается.

– О'кей, если бы я сказала, что выиграла в лотерею, это была бы откровенная ложь, потому что у меня совсем нет денег, и мне пришлось бы жить как миллионерше, что было бы по меньшей мере сложно. Но когда я говорю, что уволилась, это не меняет сути, ведь я же правда там больше не работаю, и значит, мне не надо притворяться, что я туда хожу каждый день. А насчет того, что я купила новую квартиру, тоже не ложь, ведь живу я теперь в другом месте.

– Вы забыли кое о чем упомянуть.

– О чем?

– О бойфренде.

– Ну, это то же самое. – Как ни странно, это я проговорила с трудом, потому что знала, он ждет от меня этих слов. – Сказать, что... я его бросила, – это все равно что сказать... понимаете... совсем наоборот...

– Что он вас бросил.

– Ну да.

– Потому что...

– Потому что в итоге все одно.

– Потому что...

– Потому что мы расстались.

И тут у меня на глаза навернулись слезы. Гадство. Предательские, подлые слезы. Унизительно, не то слово. Не помню, когда я последний раз плакала из-за Блейка. Я настолько заиклена на нем, что не могу даже говорить об этом.

Бывают такие ситуации: кто-нибудь вдруг начинает выпрашивать, а все ли у тебя в порядке, нет, ну что же все-таки не так – а что-нибудь всегда не так, – и ты начинаешь беситься, и хочется сделать этому человеку физически больно. Именно так сейчас и было, он вынуждал меня произносить все эти слова, громко, вслух, пытался меня одурачить и заставить признаться в том, что, как он думал, я не хочу замечать. И было похоже, что это сработало, что мне жалко себя. Ту себя, какая я есть, по его мнению, на самом деле. Но я не такая. Я в порядке. В полном порядке.

Я небрежно смахнула слезы, пока они не хлынули рекой.

– Я не переживаю.

– О'кей.

– Абсолютно.

– О'кей, – он пожал плечами, – тогда расскажите мне о работе.

– Я очень люблю свою работу. Получаю от нее огромное удовольствие. Мне очень нравится работать с людьми, много общаться, нравится инновационный подход к делу. Я ощущаю, что делаю нечто полезное, помогаю людям, что мы взаимосвязаны и я могу повлиять на то, чтобы они сделали правильный выбор, и я рада, что они принимают верное решение при моем содействии. Разумеется, одно из главных достоинств...

– Простите, перебую вас. Вы бы не пояснили, что именно вы делаете?

– Да.

Он придвинулся к компьютеру и прочел:

– Вы переводите сопроводительные инструкции для вашей компании. Так?

– Так.

– И эта компания выпускает холодильники, газовые плиты, микроволновки и прочее.

– Да, это крупнейший в Европе производитель бытовой техники.

– О'кей, продолжайте.

– Спасибо. На чем я остановилась? Разумеется, одно из главных достоинств моей работы – это наш коллектив. У нас работают творческие, заинтересованные люди, они побуждают меня добиваться все больших успехов не только в деловой сфере, но и вообще в жизни.

– О'кей. – Он потер лоб. – Людей, с которыми вы работаете, вы про себя называете: Грэм Гулькин Хрен, Квентин Дергунчик, Луиза Длинноносая Сука, Мэри Мышь, Стив Сосиска и Эдна Рыбья Морда.

Я сохранила полную невозмутимость. Неплохие я выдумала им прозвища.

– Да.

Он вздохнул.

– Люси, вы опять врете.

– Вот и нет. Они реально побуждают меня быть лучше – лучше, чем они сами. И добиваться продвижения по службе, чтобы я могла оказаться от них где подальше. Видите? Это не вранье. В итоге все сходится.

Он откинулся на стуле и долго изучал меня, потом потер свою щетину, и я услышала, как она заскрипела.

– Ладно. Вы хотите узнать всю правду об этой работе или вообще о работе? Отлично. Вот она. Я не из тех, кто жить без своей работы не может. Я не отношусь к ней настолько серьезно, чтобы делать хоть чуть больше, чем то, за что мне платят. Я не хочу заводить дружбу с людьми, рядом с которыми провожу большую часть дня и с которыми в нормальной обстановке я бы и двух слов не сказала. Два с половиной года я работаю в этой компании потому, что мне нравится их тренажерный зал, хоть оборудование у них дерьмовое и все там насквозь провоняло потом. Зато я хожу туда бесплатно и могу на этом сэкономить. Еще мне нравится, что там востребовано знание языков, на изучение которых я потратила не один год. У меня не так много друзей, говорящих по-немецки, итальянски, французски, голландски и испански, а тут можно совершенствовать свои навыки.

Я пыталась произвести на него впечатление своими лингвистическими талантами.

– Вы не говорите по-испански.

– Да, брызга, я об этом знаю, но мое начальство – нет.

– А что будет, если это обнаружится? Вас опять уволят с треском, как в прошлый раз?

Я проигнорировала его выпад и принялась разглагольствовать дальше:

– Тошнотворное выражение «с огоньком», которое многие сейчас используют, говоря о работе, ко мне неприменимо. Я просто честно отрабатываю свои деньги. Я не трудоголик.

– Вы не готовы посвятить себя делу.

– Защищаете трудоголиков?

– Просто говорю, что стойкая приверженность делу, знаете, способность отдаться чему-то до конца, – это совсем не так плохо.

– А как насчет алкоголиков? Ими вы тоже восхищаетесь? Может, мне начать пить без продыху, чтобы вы могли гордиться моей стойкой приверженностью?

– Не передергивайте. – Он сердито насутился. – Может, мы лучше скажем честно, что в вас нет заинтересованности, вы не умеете сосредоточиться и не знаете, что такое преданность делу.

Обидные слова. Я сцепила руки в замок.

– Это еще надо доказать.

Он что-то напечатал, потом проглядел открывшийся файл.

– У вашего сослуживца был сердечный приступ, и вы уверили врачей «скорой», будто вы его ближайшая родственница, чтобы уехать вместе с ними в больницу и улизнуть пораньше с работы.

– Я волновалась за него.

– И поэтому попросили водителя «скорой» высадить вас на углу вашего дома.

– У того мужчины был обычный приступ невралгии, через пять минут он уже отлично себя чувствовал.

– Вы все делаете наспех, кое-как. Попусту тратите время, ничего не доводите до конца, если только речь не идет о том, чтобы съесть шоколадку или выпить бутылку вина. Постоянно меняете свое мнение. Вы не способны принять решение. Избегаете обязательств и привязанностей.

Все, он меня наконец достал. Меня бесила его манера, но куда больше меня бесило то, что во многом он был прав.

– Наши отношения с Блейком длились пять лет. Это что, не привязанность?

– Он ушел от вас три года назад.

– И теперь я занимаюсь собой. Самопознание и прочая хрень.

– А вы себя еще не знаете?

– Конечно знаю. И я так себе нравлюсь, что хочу провести с собой остаток дней.

Он улыбнулся:

– Или по крайней мере еще пятнадцать минут.

Я посмотрела на часы.

– У нас же еще сорок пять минут осталось.

– Вы уйдете раньше. Как всегда.

Я сглотнула.

– И что?

– И ничего. Просто сказал. Привести примеры?

Он снова что-то набрал на компе, прежде чем я успела ответить.

– Обед на Рождество у родителей. Вы ушли до того, как подали десерт. А годом раньше и вовсе не дождались основного блюда. Тогда вы поставили рекорд.

– Меня ждали в гостях.

– Да, и оттуда вы тоже ушли раньше.

У меня чуть челюсть не отвисла.

– Никто и не заметил!

– А вот тут вы ошибаетесь. Кое-кто заметил.

– И кто же такой сметливый?

– Внимательный, – поправил он и застучал по клавишам.

Я едва было не начала нервно ерзать на стуле, но удержалась, чтобы не доставлять ему удовольствия. Вместо этого я спокойно откинулась назад и равнодушно оглядела унылый офис, притворяясь, что мне все равно. Но раз я притворяюсь, значит, мне не все равно.

Наконец он остановился.

Я повернулась к нему, он улыбнулся и тут же снова забарабанил по клавишам.

– Это становится скучно.

– Я вас утомляю?

– Честно говоря, да.

– Значит, теперь вы знаете, каково приходится мне. – Он бросил печатать и объявил: – Мелани.

Моя лучшая подруга.

– Что Мелани?

– Затаила обиду, когда вы так рано ушли.

– Чушь какая. И вообще, кто так говорит – «затаила обиду».

– Цитирую. «Ну хоть бы раз она осталась до конца». Конец цитаты.

Мне было досадно это слышать, я была уверена, что сто раз оставалась до конца.

– На ее двадцать первый день рождения.

– Было – что?

– Было то, что вы не ушли раньше времени с ее вечеринки. Вы тогда вообще никуда не ушли, а провели всю ночь на диване.

Шлеп-шлеп-шлеп по клавишам.

– С ее двоюродным братом.

Шлеп.

– С Бобби.

Я застонала.

– Ей на это было наплевать.

Шлеп-шлеп-шлеп.

– Цитирую. «Как она могла так со мной поступить, в мой день рождения? Здесь бабушка с дедушкой, и все теперь знают. Я обиделась». Конец цитаты.

– Она мне ничего не сказала.

Он только пожал плечами.

– Почему мы вообще об этом говорим? Что, это так важно?

– Именно.

Шлеп-шлеп-шлеп.

– «Зря она ушла так рано. Мам, не огорчайся. Хочешь, я как-нибудь поговорю с ней?» Это ваш брат Райли.

– Да, я догадалась.

– «Не надо, милый. Я уверена, что ей необходимо было туда пойти». Конец цитаты. Вчера вы ушли с обеда у родителей на тридцать две минуты раньше и не самым вежливым образом.

– Вчера был особый случай.

– Почему?

– Потому что они меня предали.

– Как?

– Подписали бумаги на аудит моей жизни.

Он улыбнулся:

– Да, это хорошая аналогия. Но не сделай они этого, вы бы сейчас тут со мной не сидели.

– Угу. Так все замечательно вышло.

Молчание.

– Значит, суть в том, что я рано ухожу с обедов и вечеринок. И вы позвали меня об этом поговорить. Ну тогда ничего страшного, с этим я могу справиться и объяснить в каждом конкретном случае, почему и куда я так торопилась. Похоже, нам удастся разобраться быстрее, чем я думала.

Он расхохотался:

– Черт возьми, нет. Я просто зашел с этой стороны.

Он посмотрел на часы.

– У нас маловато времени, больше мы ничего сегодня не успеем обсудить. Договоримся насчет следующего раза?

– Еще полчаса осталось.

– Не больше пяти минут, исходя из вашей обычной манеры смываться.

– Тогда давайте живее.

– О'кей. Итак, чем вы занимаетесь?

– В каком смысле? Сажу тут с вами, время зря трачу, вот чем я занимаюсь.

Больше он в свои записи заглядывать не стал, обошелся и без них.

– Каждый день вы встаете в семь утра, а в субботу и воскресенье в час.

– Ну и что?

– Вы съедаете диетический батончик мюсли, потом пьете кофе в «Старбакс» на углу вашего дома, покупаете газету и едете на работу – либо на машине, либо на метро – и отгадываете кроссворд. В офисе вы оказываетесь в девять-полдесятого, но раньше десяти к делу не приступаете. В одиннадцать у вас дополнительный перерыв, на кофе и сигарету, хотя вообще-то вы не курите. Но считаете, что это несправедливо – давать курильщикам дополнительный перерыв. В час ланч. И до двух вы сидите в буфете, одна за столиком, и разгадываете кроссворд. С ланча вы всегда опаздываете. С половины третьего вы снова трудитесь и, в отличие от утренних часов, делаете все старательно, а порой даже блестяще. В шесть заканчиваете.

– Зачем рассказывать мне то, что я и так отлично знаю?

Я старалась говорить равнодушно, но, по правде говоря, мне было неприятно. Неприятно, что все мои мелкие секреты кто-то старательно записывал, заносил в компьютер, чтобы какой-нибудь долбаный зануда мог это читать, сидя в офисе, когда устанет раскладывать пасьянс.

– Каждый день после работы вы ходите в тренажерный зал. На беговую дорожку вам отведено двадцать минут, но вы всегда бегаете семнадцать. Потом еще полчаса занимаетесь гимнастикой. Иногда ужинаете где-нибудь с друзьями, но вам не терпится домой, и вы всегда уходите первой. Ложитесь в кровать, отгадываете кроссворд. В семь утра вы встаете.

Он помолчал.

– Улавливаете мысль?

– Я люблю разгадывать кроссворды? И что? Не пойму, чего вы добиваетесь.

Он молча, не мигая смотрел мне в лицо.

– Ничего. Вопрос в том, чего добиваетесь вы?

Я проглотила большой колючий ком в горле.

– Ну, это слишком глобальная тема.

– Нет, вопрос как вопрос. О'кей, почему бы не сказать проще. Вот как все произойдет. Вы уйдете отсюда через полчаса, строго вовремя. Затем постараетесь забыть все, о чем мы здесь говорили. И это у вас получится. Я буду низведен до уровня мелкого раздражающего зануды, на которого вы зря потратили полвоскресенья, и вы будете жить точь-в-точь как и жили.

Он умолк. Я ждала, что он скажет что-нибудь еще, но он молчал. Я растерялась. Не может же он и вправду так думать. Потом до меня дошло.

– Это ложь.

– Почему? Если в итоге все сходится, значит, не ложь.

Нет, я не хочу задавать этот вопрос. Но должна.

– А что... в итоге?

– В итоге вы будете такая же одинокая, унылая и несчастная, как до встречи со мной, но вам станет еще хуже, потому что вы будете это осознавать. Каждый день и каждый миг.

И тут я встала, схватила сумку и ушла. Ровно на полчаса раньше, как он и предсказывал.

Глава шестая

Силчестеры не плачут. Так сказал мне отец, когда в пять лет я упала с велика – от него впервые открыли боковые колесики. Я ехала по гравиевой подъездной дорожке, а он шел поодаль и руководил. Мне хотелось, чтобы он был рядом, но я не сказала об этом, ведь тогда он во мне разочаруется. Я знала это уже в пять лет. Нет, я не поранилась, но сильно испугалась, когда мне в коленку впились острые камешки, а ноги запутались в велосипеде. Инстинктивно я протянула руки к отцу, но мне пришлось подняться самой, а он ограничился четкими указаниями. До сих пор помню его слова: «Отодвинь велосипед в сторону. Теперь вставай и прекрати свои вопли. Вставай, Люси». Я встала и скрючилась так, будто пострадавшую ногу придется ампутировать, пока мне не было велено выпрямиться. Я хотела, чтобы он обнял и утешил меня, но знала, что это проявление слабости, которое уронит меня в его глазах. Он так устроен, и это я понимала всегда. Уже в пять лет. Я плакала очень редко, с детства отучилась. Только когда ушел Блейк и вот сегодня, когда моя Жизнь напомнил мне о нем.

Под конец все произошло очень быстро. Пять лет мы были вместе. Жили весело, насыщенно и со вкусом. Мы иногда говорили о свадьбе, о браке и, хотя еще не были к этому окончательно готовы, оба понимали, что когда-нибудь это случится. Когда мы повзрослеем.

Но в процессе взросления я его потеряла. Где-то по дороге. Не сразу, не в один день, а постепенно. Он исчезал потихоньку, отдаляясь все больше и больше. То есть физически он присутствовал, мы все время были вместе, но я чувствовала, что он куда-то уходит, даже если сидит в соседнем кресле. А потом он попросил меня его выслушать. И у нас состоялась дружеская беседа. Но до того у нас был очень важный разговор.

Он только что подписал контракт на новое тревел-шоу и начал ездить один, без меня. Подозреваю, что это была пробная попытка, этакая дегустация вольной жизни, а может, и нечто большее. Может, он искал что-то, чего ему не хватало в нашей бывшей пекарне. Сейчас мне иногда кажется, что он встречался с другими девушками, но никаких реальных поводов, кроме моей паранойи, для таких мыслей нет. Он съездил в Финляндию и вернулся оттуда другим человеком, как будто побывал на Луне или пережил духовное откровение. Безостановочно говорил о мире, тишине и покое, о полном своем единении со всеми тамошними гребаными пространствами и их обитателями, способными выжить при минус сорока. Твердил, что я даже представить себе не могу, даже приблизительно вообразить, как там волшебное. Я говорила, что могу. Что я способна осознать, что такое покой, первозданность и полное слияние с природой. И я на самом деле способна. Я не совсем так это тогда выразила, и глаза мои не заблестали ярко-голубым светом, точно в них отразились высокие небеса с райскими вратами, но я правда понимала его чувства.

– Люси, ты не понимаешь, поверь мне, *ты* не понимаешь.

– Что значит *ты* не понимаешь? Чем я так отличаюсь от всех остальных, что не способна понять, что значит гребаное слияние с природой? Совсем, знаешь ли, не обязательно ехать в Катманду, чтобы обрести внутренний покой, некоторые способны на это прямо здесь, в городе. В пенной ванне. С книгой. И стаканом вина.

А потом состоялась дружеская беседа. Потом, но не сразу, а через несколько дней или даже недель. Короче, спустя какое-то время. И за это время я поняла: он считает, что мы разные люди и я не способна оценить, какой он содержательный и глубокий. Прежде такого никогда не было. Я всегда знала, что мы разные, но не думала, что и он это знает. Ерунда вроде, а если подумать, то это и есть самое главное. Я путешествовала, чтобы увидеть новые места, а он – чтобы открыть что-то новое в себе. Догадываюсь, что человеку, собирающему себя по частям, трудно находиться рядом с тем, кто и так обладает внутренней целостностью.

Да, так возвращаясь к дружеской беседе. Блейк предложил мне тогда сделать очень глупую вещь, и я согласилась, о чем теперь жалею денно и ночью. Не знаю, как я могла согласиться. Конечно, я была подавлена. До такой степени, что обратилась к религии – к религии Силчестеров, поклоняющихся многоликому «Что-скажут-люди». Блейк предложил мне говорить всем, что это я от него ушла. Он думал, что так мне будет проще. Сейчас, в здравом уме, я не могу понять, почему я на это клюнула. Но факт остается фактом.

В каком-то смысле это и впрямь мне помогло, придало сил в разговорах с родителями и с друзьями. Я могла сказать: «У нас не сложилось, пришлось мне уйти от него». И после этого никто уже не задавал лишних вопросов. А если бы я сказала, что он от меня ушел, то на меня обрушился бы поток сочувствия, все стали бы толковать ситуацию с позиций защиты меня, бедной, прикидывать, что я могла сделать не так, нет ли тут и моей вины, боялись бы мне сказать, что видели его с новой девушкой и прочее, и прочее. В общем, на первый взгляд это была хорошая идея. Но только на первый. Я не могла сказать о нем ни единого слова осуждения, ведь в ответ все хором заявляли, что ему, бедолаге, сейчас очень тяжело. Друзья, не боясь задеть мои чувства, все время так или иначе упоминают о нем, а я должна делать вид, что меня это ничуть не интересует. Я не могу показать, что мне больно, пожаловаться и дать волю чувствам. Меня опутали толстые, крепкие нити лжи.

Я вынуждена держать в себе этот большой секрет, этот комок боли, из-за чего я то впадаю в ярость, то начинаю страшно себя жалеть. И поскольку не могу ни с кем об этом поговорить и никто поэтому не может мне помочь, мне очень одиноко в моем засекреченном мире.

Когда я вылетела со своей отличной, высокооплачиваемой работы, я никому не могла рассказать о том, *почему* это произошло: мне пришлось бы признаться, что до этого я вралась. И я сказала, что сама уволилась, а эта ложь потянула за собой другие, и они множились, переплетались... и в итоге все сошлось, важен результат.

Вот и все, что я готова, как он говорит, «осознать», потому что в итоге я вполне счастлива и довольна тем, как устроена моя жизнь.

Если бы Жизнь встретился со мной два года назад, я бы с ним согласилась. Тогда мне казалось, что я падаю в пропасть, но теперь нет, теперь ни за что. Я сверзилась с огромной высоты и приземлилась на свое место. Кому-то, возможно, мое положение кажется ненадежным и шатким. Но мне очень уютно, удобно и хорошо. Все у меня отлично.

В вестибюле кошмарного здания никого не было, Американ-Пай куда-то ушла. Я оставила на стойке шоколадку, которую принесла для нее. Воздушный «Милки Вей», она ведь сказала по телефону, что любит такой.

И вышла на улицу, стараясь поскорее забыть мелкого раздражающего зануду, на которого зря потратила полвоскресенья. Не получалось. Этот зануда был олицетворением моей жизни, и я не могла так сразу забыть о нем. Мне не на что было отвлечься, не на что переключиться: ни одной машины – уехать отсюда, ни компа – отправить имейл, ни факса – послать сообщение, ни родственника – позвонить, ни друга – все ему рассказать. И я ощутила легкую тревогу. Жизнь только что сказал, что я буду одинока и несчастна. Не знаю, что человек должен сделать, получив такую информацию, правда не знаю. Этого он мне не сказал. Мне хотелось одного – доказать обратное. Так человек, которому сообщили, что он болен, отказывается в это поверить, если никаких симптомов, подтверждающих диагноз, у него пока нет.

Я увидела кафе на углу, и решение пришло само. Я люблю кофе, и меня радуют приятные мелочи жизни, они поднимают настроение. В кафе я буду не одна, а кофе меня порадует. Не одинокая и не несчастная – вот так-то.

Там было много народу, но я углядела свободный столик. Пробралась к нему, села и заказала чашку кофе. Вокруг громко, оживленно болтали, и это было кстати, потому что отвлекало от собственных мыслей. Нечего мне задумываться попусту. Все у меня прекрасно, просто

супер. Я свободная женщина, у меня есть работа, я всем довольна, и мне хочется развеяться. Как угодно, лишь бы не думать. Дверь в кафе открылась, звякнул колокольчик, и многие автоматически обернулись посмотреть, кто вошел. После чего правильные парни вернулись к своим разговорам, а все прочие продолжали глупо таращиться, потому что в кафе вошел самый красивый мужчина, какого я видела в жизни. Он оглядел зал и направился в мою сторону.

– Привет. – Запредельный красавец улыбнулся и положил руки на спинку свободного стула. – Вы одна?

– Простите?

– Здесь свободно? Все места заняты, вы не возражаете, если я присоединюсь к вам?

На самом деле позади меня было свободное место, но я не стала ему на это указывать. У него было красивое мужественное лицо, удивительно пропорциональное, благородный нос, четко очерченный рот, волевой подбородок. Я подумала о том, почему моя семья решила обратиться к моей Жизни. Почему, черт возьми, Жизнь решил, что мы должны встретиться, ведь на свете столько по-настоящему несчастных людей и мой случай вовсе не катастрофический. Я выкарабкалась, я в порядке. Не боюсь знакомиться с новыми людьми. Не цепляюсь за прошлое. Почему они думают, что мне плохо?

– Конечно, садитесь, – сказала я, осушила одним глотком свою чашку и встала. – Столик ваш, я как раз ухожу, встречаюсь со своим бойфрендом.

Красавец, кажется, был несколько разочарован, но пробормотал что-то вежливое.

О'кей, я соврала.

Но пройдет всего несколько часов, и в итоге все сойдется.

Глава седьмая

«Сегодня мы встали в половине пятого. – Он слегка задыхается, капли пота стекают по смуглым от загара щекам и исчезают в небрежной щетине на подбородке. – Дорога от хостела до Мачу-Пикчу занимает около полутора часов, и нам посоветовали выйти пораньше, чтобы добраться из Винай-Вайна сюда, к Потерянному городу инков, до восхода солнца».

На темно-синей футболке, плотно обтягивающей бицепсы, влажные пятна – на груди, на спине и под мышками. Он в бежевых походных шортах и армейских ботинках. Загорелый, мускулистый, улыбчивый.

Камера дала дальний план, я нажала на паузу. Мистер Пэн вспрыгнул ко мне на диван.

– Привет, Мэри.

Он замурлыкал.

– Сегодня он идет Тропой инков. Мы должны были сделать это вместе. Посмотрим, с кем он это делает теперь...

Я внимательно изучила девушек на заднем плане. Ее там не было, и я снова нажала на воспроизведение.

«Как видите, тропа идет по горному склону, затем теряется в окутанном туманом лесу и выходит к почти вертикальному подъему. Пятьдесят крутых ступеней вверх, и мы у Инти-Пунку, что означает Врата Солнца».

Ближний план – он тяжело дышит, улыбается, камера дает панораму, снова наезд на него, на его ботинки, рюкзак, затылок, затем опять на пейзаж, потом на его солнечные очки, в которых отражается этот пейзаж. Все вещи новые, ни одной купленной мною.

«Вот мы и на месте. – Он смотрит прямо в объектив, весело сверкая белозубой улыбкой. Переводит взгляд вдаль, снимает очки и чуть прищуривается. – Вот это да!»

Я остановила запись. Долго вглядывалась в его лицо и улыбалась. Я знала, это его искренняя реакция, а не переснятый двадцать раз постановочный кадр. Он ничего не изображает, ему на самом деле там безумно хорошо, и странным образом я ощутила, что переживаю его восторг вместе с ним. Как это бывало раньше, в прежние годы.

Ладно, посмотрим дальше. Камера дала панораму, и я увидела то, что видел он.

«Вот он, Мачу-Пикчу во всей своей красе. Фантастическое зрелище. Прекрасное».

Он поворачивает голову, камера следует за ним. Так, какие-то люди. Я нажала на паузу. Девушка, еще девушка... нет, ее там нету.

В следующем эпизоде он уже сменил футболку, вытер пот, больше не задыхался и выглядел свежим и отдохнувшим. Он перешел к заключительной части передачи, вкратце рассказал еще раз про все путешествие и процитировал Роя М. Гудмана: «Помните, что счастье – это сама дорога, а не то, куда она приведет». Потом улыбнулся... господи, его улыбка, глаза, волосы, его руки – я помню, как они обнимали меня, когда он засыпал рядом со мной, когда мы вместе мылись в душе, помню, как он готовил мне еду, гладил меня. Его сильные нежные руки. Которые меня оттолкнули.

«Хорошо бы мы были здесь вместе». – Он подмигнул, и все, пошли титры.

– Хорошо бы, – прошептала я и проглотила сухой комок в горле. У меня противно заныло в животе и больно сжалось сердце, я не хотела, чтобы он исчезал, я бы посмотрела на него еще. Спазм прошел, и я пустила титры по новой. Да, она есть в списке участников проекта. Тогда я взяла лэптоп и посмотрела на «Фейсбуке» ее статус. Свободна.

Знаю, я психопатка, но еще я знаю, что почти всегда моя паранойя оправдывается, и это вовсе не паранойя, а внутреннее чутье, которое очень редко меня обманывает. Однако прошло уже почти три года, а они, судя по всему, не вместе. Мне даже неизвестно, как часто они общаются по работе и чем она, ассистент режиссера, занимается. Я плохо себе представляю,

как снимают телешоу, но, когда он поехал на студию подписывать контракт, я была с ним. Нас познакомили со съемочной группой, и она была там, и я кое-что ощутила тогда. Ощутила ее интерес к нему. А когда мы расстались, мои ощущения окрепли, причем настолько, что это уже граничит с манией. Но я ничего не могу с собой поделать. Ее зовут Дженна. Гиена по имени Дженна. И всякий раз, как я слышу это имя, я вспоминаю о ней и проникаюсь ненавистью к ее ни в чем не повинной тезке. Она из Австралии, и я ненавижу всех, кто из Австралии. Дикость какая-то, Австралия мне всегда очень нравилась, а эту Дженну я совершенно не знаю, но я создала из нее врага, и все в ней мне отвратительно, до последней мелочи.

Чтобы совсем себя доконать, я представила, как они принялись заниматься сексом на вершине горы, стоило оператору выключить камеру. Интересно, с кем он проводит ночи в своей маленькой палатке, в забитых туристами хостелах и отельчиках? Его работа предполагает тесное общение с людьми, с женщинами, с чертовой Дженной. По ночам она пробирается к нему в палатку, раздевается догола и, как он не пытается обуздать свои желания, они берут верх, потому что он мужчина, он покоритель гор, и жизнь на природе подстегивает его естество. Каждый раз, как я вижу его на экране, я представляю себе их вместе. И все же какие обязанности у помощника режиссера? Я посмотрела в Интернете и выяснила, что помощники бывают разные – одни работают в офисе, другие мотаются по съемкам. Это принципиальное отличие – либо их дорожки пересекаются редко, либо она постоянно околачивается рядом. Заодно я посмотрела про других женщин из съемочной группы и решила, что кроме Дженны-австралиогены никто из них не может его заинтересовать.

Звонок мобильного вернул меня к реальности. Опять Райли. Со вчерашнего дня от него уже девять пропущенных звонков и два от мамы. Силчестеры никого не игнорируют, не закатывают трагедии и не поднимают шум. Поэтому я еще вчера отослала им обоим сообщения, что я вне зоны действия и позвоню сразу как смогу. Я не злилась на них, ведь они волновались обо мне и хотели хоть как-то помочь, но у меня не было сил на пустую болтовню. Мне было горько и странно, что они решили, будто я дошла до точки и помогать мне надо втихаря, за моей спиной, а не сказали все прямо. Я всегда старалась не обременять их своими проблемами, даже Райли. На семейных сборищах он выступает в роли моего сообщника, но это не значит, что он мой лучший друг. Он мой брат, а есть вещи, которые братья не должны или не хотят знать.

Я не ответила на звонок, но тут же послала ему вежливое сообщение – я сейчас у друзей, отзовую позже. Он немедленно прислал ответ: *«Тогда ты не выкл. ТВ, стою за дверью»*.

Я вскочила, Мистер Пэн тоже, но за мной не пошел. Он поспешил в ванную и приготовился защищать меня из-под прикрытия, то есть корзины для белья.

– Райли? – Я подошла к двери.

– Да.

Я вздохнула.

– Я не могу тебя впустить.

– О'кей. А ты можешь сама выйти?

Я чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы он не смог заглянуть внутрь, и проскользнула в щелку. Он, конечно, попытался заглянуть, но я захлопнула дверь.

– У тебя гости?

– Да. Разгоряченный голый мужик лежит в кровати и ждет, когда же я вернусь.

– Люси. – Он скривился.

– Я пошутила.

– Так там никого нет?

– Есть.

Я не соврала. Там был Мистер Пэн.

– Извини. А там... там, ну ты понимаешь?

- Жизнь? Нет, я встречалась с ним в офисе, с утра.
- С ним?
- Да.
- Странно.
- Угу.
- Как все прошло?
- Отлично. Он был очень любезен. Ему просто надо было кое-что уточнить. Мы славно поболтали, и, скорее всего, больше нам нет нужды встречаться.
- Правда?
- Да, и нечего так удивляться, – отрезала я.
- О'кей, – он переступил с ноги на ногу, – значит, все нормально.
- Да. Он вообще не очень понял, зачем нам надо было пересекаться.
- Правда?
- Ну да. Это типа водительского теста на алкоголь.
- В смысле?
- Полицейские же наугад проверяют, не всех водителей подряд, а по случайности. А это тест на жизнь, и по случайности выбор пал на меня.
- А-а, о'кей.
- Повисло молчание.
- Да, я вот зачем приехал. Нашел по случайности, – он вынул руку из-за спины, и я увидела свои туфли, – ищу по всему королевству, кому они придутся впору.
- Я улыбнулась.
- Вы позволите?
- Он опустился на одно колено, приподнял мою ногу, заметил, что я в разных носках, и с большим трудом удержался от комментариев. Снял носок и надел мне туфлю.
- Подошла! – Он смешно спародировал изумление.
- И отныне мы будем жить долго и инцестуально?
- Он нахмурился, прислонился к дверному косяку и уставился на меня.
- Ты чего?
- Ничего.
- Ну говори, Райли. Ты же не из-за туфель сюда приехал.
- Ничего, – повторил он. – Просто... я тут недавно общался с одним парнем из «Квин и Даунинг», где ты раньше работала, и он рассказал мне кое-что...
- Райли внимательно наблюдал за мной. Я попыталась изобразить, что смущена, чтобы он не понял, что я испугана, и он дал задний ход.
- Как бы то ни было, он, видимо, ошибся. – Райли прочистил горло.
- Кто это был? – спокойно осведомилась я.
- Гэвин Лиседел.
- Я закатила глаза.
- Да он же законченная сплетница. (На самом деле очень достойный человек.) Я знаю, что он рассказывает про меня всякие небылицы. Не переживай, что бы он ни сказал, это полное вранье. Говорят, он уже много лет изменяет своей жене с мужиками, так что сам понимаешь...
- Насколько я знаю, Гэвин счастливо живет с женой. Я только что в одну секунду испортила человеку безупречную репутацию. Плевать, он испортил мою, хоть она никогда и не была безупречной, да и сказал он скорее всего правду. Мне стало мерзко, и я быстро добавила:
- Но вообще-то все к нему хорошо относится, и он прекрасно знает свое дело.
- Райли кивнул. Мне не удалось убедить его до конца, но настроение у него улучшилось.
- Я все вспоминаю, как ты сказала, что отец не из тех, кого вскормили грудью.
- Он рассмеялся, потом откинул голову назад и расхохотался уже во все горло.

Я не удержалась и тоже хихикнула.

– Как думаешь, почему она его не кормила? Переживала, что сиськи обвиснут и сморщатся?

Он потряс головой, точно сама мысль об этом была ему противна.

Дверь напротив открылась, и оттуда выглянула сильно смущенная соседка.

– Привет, Люси, извините, ради бога, но если бы вы чуть-чуть потише... ой, здрасте. –

Она заметила Райли.

– Это вы извините, – Райли развел руками, – все, я уже ухожу.

– Мне так неловко, но у меня там... – Она многозначительно указала себе за спину, в квартиру, и ничего не добавила. – Вы так похожи. Вы брат Люси?

– Верно. Райли.

Он протянул ей руку, и они поздоровались. Ну и дела. Я-то даже не помню, как ее зовут. Она представилась, когда мы познакомились, и я в ту же секунду забыла ее имя, а потом было неудобно переспрашивать, поэтому я всегда обращаюсь к ней абстрактно: привет, здрасте, добрый день. Сильно подозреваю, что ее зовут Руфь, но твердой уверенности у меня нет, так что лучше не рисковать.

– Клэр.

Ах вот оно что.

– Привет, Клэр.

Райли по привычке наградил ее восхищенно-заинтересованным взглядом, из тех, что сражают девушек наповал: нежным, но твердым, «вы-можете-мне доверять» взглядом. На меня бы это подействовало, но Клэр не поддалась его чарам, отринула все его немые намеки и быстро распрощалась.

– Теряешь навык.

– Ничего страшного, со всеми случается.

Он опять посерьезнел.

– Что еще, Райли?

– Ничего, все о'кей...

И пошел к лифту.

– Спасибо за туфли, – ласково поблагодарила я.

Он не обернулся, только отсалютовал мне и был таков. Я не успела войти к себе, как соседняя дверь открылась, высунулась... опять забыла, как бишь ее, и торопливо выпалила:

– Если вам вдруг захочется попить кофе, приходите. Без всяких предупреждений, просто приходите, я всегда дома.

– Ладно, о'кей.

Я как-то растерялась. Мы познакомились больше года назад, и, не считая недавнего разговора в лифте, это была самая длинная речь, которую кто-то из нас произнес. Раньше она никогда со мной не заговаривала. Наверное, так истосковалась по общению, сидя все время дома, что готова с кем угодно поболтать, даже со мной.

– Спасибо. Э-э... и вы заходите.

Больше я ничего не смогла придумать и закрыла за собой дверь.

Но только я совершенно не хотела, чтобы она пришла пить кофе, и не хотела, чтобы сюда приходил Райли. Он никогда здесь не был, и никто из моих родных не был. И из друзей. Это мое пространство.

Но даже мне уже режет взгляд этот жуткий бардак. Ковер правда надо почистить. И лучше я сделаю это своими силами, не беспокоя домовладельца, а то он заметит прожженные пятна и потребует возместить ущерб. Я отыскала на ковре номер, записанный маркером, взяла телефон и поскорей, пока не передумала, позвонила. Происходит нечто поистине монументальное – я делаю то, что надо сделать. Тяжкий груз, который я таким образом на себя взвалила, с каж-

дым следующим шагом давил на меня все сильнее. Когда я услышала сигнал соединения, мне захотелось бросить трубку. Это не просто звонок, это хлопоты, которые мне ни к чему. Придется брать на работе день за свой счет, ждать какого-то типа, который, разумеется, опоздает на несколько часов, и к тому же показать ему все мои позорные темные пятна, которые надо удалить. Как унижительно. На том конце раздавались долгие гудки, потом что-то клацнуло, как будто сейчас мне наконец ответят, но вместо этого пошли гудки другой тональности. Я как раз решила отключиться, когда мужской голос сказал:

– Аллю?

Там, где он находился, было шумно. Как в пабе. Мне пришлось отодвинуть трубку подальше от уха.

– Простите, одну минуту, – прокричал голос, и мне захотелось прокричать в ответ, что все о'кей, я случайно набрала не тот номер. Во-первых, я передумала – не хочу никаких посторонних у себя дома, во-вторых, я действительно начала думать, что номер не тот. Чтобы это проверить, я попыталась найти карточку, которую мне всучила Американ-Пай. В любом случае, он меня не слышал, потому что, видимо, продирался к выходу сквозь толпу народа.

– Одну минуту, – снова крикнул он мне.

– Да все в порядке, – я тоже невольно начала орать, – я просто...

Но он уже не слышал. Потом в трубке стало тихо, потом я услышала звук торопливых шагов, отдаленный смех и наконец:

– Аллю? Вы еще здесь?

Я откинулась на спинку дивана.

– Да, здрасте.

– Прошу прощения, что так долго. С кем я говорю?

– М-м, на самом деле, похоже, вы зря прикладывали столько сил, чтобы меня услышать.

Думаю, я ошиблась номером.

– Вот тебе и на. – Он засмеялся.

– Угу. Извините уж.

Я перелезла через диванную спинку и оказалась на кухне. Заглянула в холодильник. Поест, как всегда, нечего.

Он помолчал, потом чиркнула спичка, и я услышала, как он затянулся сигаретой.

– Простите, дурная привычка. Моя сестра говорит, если б я бросил курить, то нашел бы себе девушку.

– А я на работе притворяюсь, что курю. Чтоб уйти на перерыв.

Неужели я сказала это вслух?

– И что будет, если они узнают?

– А я затягиваюсь, когда рядом кто-то есть.

Он засмеялся:

– Вы на многое готовы, чтобы оторваться от работы.

– Я готова на все, чтобы оторваться.

– Например, поболтать по неправильному номеру?

– Вроде того.

– Скажете, как вас зовут, или это означает порвать с приличиями? И нарушить правила общения по неправильному номеру?

– Ничто не мешает мне назвать совершенно незнакомому человеку свое имя. Гертруда.

– Чудесное имя, Гертруда. – Я слышала, что он улыбается.

– Что ж, благодарю.

– А я Джузеппе.

– Рада познакомиться, Джузеппе. Как поживает Пиноккио?

– Врет с три короба и хвастает, что никому не позволит водить себя за нос.

– Он всегда был такой.

Тут я поняла, что хотя это куда более приятный разговор, чем с моим отцом, но пора закругляться.

– Что ж, думаю, мне пора отпустить вас обратно в паб.

– Знаете, здесь сегодня выступает группа «Аслан».

– Они мне нравятся.

– Мы на Викар-стрит, приходите.

– Кто «мы»?

– Мы с Томом.

– Я бы пришла, конечно, только вот мы с Томом поругались, и будет неудобно, если я вдруг заявлюсь.

– Даже если он извинится?

– Поверьте, он ни за что не извинится.

– Том вообще в каждой бочке затычка, не обращайтесь внимания. У меня есть лишний билет, я его оставляю у бармена для вас.

Надо же, какая дружелюбная готовность к общению.

– А если я беззубая замужняя старуха, у меня десять детей и бельмо на глазу?

– Господи, так вы женщина?

Я засмеялась.

– Ну что, придете?

– Вы всем, кто ошибся номером, предлагаете встретиться?

– Некоторым.

– Кто-нибудь соглашался?

– Одна. Теперь у меня есть беззубая замужняя старуха с десятью детьми и бельмом на глазу.

– Они поют «Положись на меня»?

– Нет, только собираются. Кроме шуток, вам нравится эта песня?

– Угу.

Я открыла холодильник. Цыпленок под соусом карри или мясная запеканка с картофелем? Цыпленок на неделю просроченный, запеканка будет просрочена завтра. Я попыталась вилкой отколупать целлофановую упаковку. Цыпленок примерз накрепко.

– Вы их когда-нибудь слышали вживую?

– Нет, но это значит в списке моих первоочередных дел.

– И что еще в списке?

– Пообедать.

– Высокая цель, уважаю. Скажете, как вас на самом деле зовут?

– Не-а. А вы?

– Дон.

– Дон... а дальше?

– Локвуд.

Сердце у меня подпрыгнуло, и по спине побежали мурашки. Мистер Пэн почуял, что что-то не так, и вскочил, готовый защищать меня или сам спрятаться.

– Эй, вы еще там?

– Вы сказали – Дон Локвуд? – с трудом выговорила я.

– Да, а что?

Я судорожно глотнула воздуху:

– Вы шутите?

– Вовсе нет. Урожденный Дон Локвуд. Ладно, вру. На самом деле меня сначала называли Джасинта, но потом обнаружилось, что я мальчик. Сейчас-то уж никто не перепутает, уверяю вас. А что, это все-таки правильный номер?

Я расхаживала по кухне, начисто забыв о пыленике карри. Я не верю в знаки судьбы, потому что не понимаю, что они значат, но это просто невероятное, сногшибательное совпадение.

– Дон Локвуд... так зовут персонажа Джина Келли в «Поющих под дождем».

– Понятно.

– Да.

– А вы поклонница Джина Келли и/или этого фильма. Замечательная новость.

– Главное, свежая, – рассмеялась я. – Только не рассказывайте, будто вам никогда раньше не говорили, что вас зовут, как героя этой картины.

– Уверяю вас, ни один человек младше восьмидесяти пяти лет мне об этом никогда не говорил.

– Даже те, кто ошибся номером?

– Даже они.

– А вам сколько? – Я вдруг испугалась, что ему пятнадцать и полиция уже едет ко мне.

– Тридцать пять и три четверти.

– Ни за что не поверю, что за все тридцать пять и три четверти вам об этом ни разу не сказали.

– Это потому, что большинство моих знакомых, в отличие от вас, младше ста лет.

– До того, как мне стукнет сто, еще по крайней мере две недели.

– Ага. Понятно. Тридцать? Сорок? Пятьдесят?

– Тридцать.

– Это вершина, дальше только вниз, поверьте мне.

Он умолк, и я умолкла, непринужденность ушла, мы были два посторонних человека, разговаривавшие по ошибке, и оба хотели повесить трубку.

– Приятно было поболтать, Дон. Спасибо, что предложили мне билет.

– Пока, беззубая замужняя старуха, – сказал он, и мы рассмеялись.

Я положила трубку и поймала свое отражение в зеркале в ванной. Я была похожа на маму – улыбка освещала мое лицо. Она быстро потускнела, когда я поняла, что просто потрепалась с незнакомым типом по телефону. Возможно, они правы, возможно, я что-то упускаю. Я рано легла спать, а в полпервого меня разбудил звонок, перепугав напрочь. На экране высветился незнакомый номер, и я не стала отвечать. Дождалась, когда телефон умолкнет, и снова легла. Через три секунды телефон зазвонил снова. Я ответила, надеясь, что это не плохие новости. Все, что я услышала, были крики, вопли и шум. Я отодвинула телефон от уха, различила музыку, потом пение, потом узнала песню.

*Если думаешь, что жизнь – пустая трата
времени
И что время твое впустую прожито,
То спустись на землю, оглянись вокруг.
Что тут: скверная ситуация
Или всенародная демонстрация,
И куда бы нам от них лучше спрятаться?*

Я откинулась на подушку и дослушала до конца. Песня кончилась, и я подождала, что он что-нибудь скажет. Но тут началась следующая, и он отключился.

Улыбаясь, я послала ему сообщение: *«Спасибо»*.

Он сразу же написал: *«Одним делом меньше в вашем списке. Бай»*.

Долго-долго я смотрела на эти слова, а потом сохранила номер в телефоне. Дон Локвуд. Мне доставляло удовольствие видеть эти слова.

Глава восьмая

Неделю спустя я проснулась в семь утра в самом что ни на есть вонючем настроении. Именно так, это точное определение. Разумеется, я не проспала целую неделю, просто ничего особо примечательного за эти дни не случилось. Я поняла, что у меня паршивое настроение, как только открыла глаза и обнаружила, что все вокруг провоняло креветочным салатом, который я забыла на столе. Мне стало омерзительно до мозга костей, как иногда пробирает холод – до самого нутра, и ничем не можешь согреться. Кроме того, я физически ощущала присутствие очередного письма. Я знала, что конверт лежит на прожженном ковролине, еще до того, как его увидела. Письмо пришло совсем недавно, раз кот не успел на него пописать. Оно валялось поверх маленьких, розоватых от креветочного салата отпечатков лап. Салат Мистер Пэн опрокинул на пол, а потом вляпался в него и натоптал где только можно.

С тех пор как мы виделись с Жизнью в прошлое воскресенье, письма приходили каждый день. Я упорно их игнорировала, и этот понедельник не станет исключением. Идя в ванную, я нарочно наступила на конверт – как ребенок, который наказывает свои игрушки, чтобы самоутвердиться. Мистер Пэн, должно быть, понял, что натворил, и почуял мое вонючее настроение, а потому держался от меня подальше. Я приняла душ, сняла платье с карниза и быстро привела себя в порядок. Покормила кота завтраком, выбросила письмо и пошла на работу.

– Доброе утро, Люси. – Соседка открыла дверь, едва я вышла за порог.

Следит она, что ли, за мной? Не будь я уверена в обратном, так заподозрила бы, что она караулит меня под дверью.

– Доброе утро.

Я попыталась отыскать в памяти ее имя, но ничего, кроме обрывков злобных мыслей, там не обнаружила. И отвернулась, чтобы запереть дверь.

– Люси, можно вас попросить об одолжении?

Голос ее дрожал. Я немедленно повернулась обратно. Глаза у нее были красные и опухшие, как будто она всю ночь плакала. Я смягчилась, дурное настроение временно отступило.

– Вы бы не могли оставить это внизу у консьержа? Я вызвала курьера, но они отказываются подниматься в квартиры, – а он спит, я не могу спуститься...

– Разумеется, без проблем.

Я взяла у нее спортивную сумку.

Глаза она вытерла, но голос ее выдавал – еле слышно пробормотав «спасибо», она смешалась и умолкла.

– У вас все в порядке?

– Да, спасибо... просто... м-м...

Она всячески пыталась взять себя в руки, выпрямилась и прочистила горло, но глаза опять наполнились слезами, и с этим она ничего не могла поделать.

– Маму вчера увезли в больницу. Похоже, у нее неважно обстоят дела.

– Очень вам сочувствую.

Она небрежно махнула рукой, пытаясь скрыть тревогу и успокоиться.

– Я там собрала кое-какие вещи, которые могут ей понадобиться. Ну, что обычно в больнице передают тем, кто... – Она не договорила.

– Вас к ней не пускают?

– Нет-нет, пускают, но я не могу к ней поехать, потому что... – Она прислушалась, спит ли младенец.

– Ох.

Я знала, что должна сказать дальше, но не была уверена, что хочу это сказать и что это вообще будет правильно. И все-таки нерешительно предложила:

– Если хотите, я могу посидеть с... – черт, не знаю, мальчик у нее или девочка, – с ребенком.

– Его зовут Конор. – Она опять откашлялась. – Спасибо огромное, но я так боюсь его оставлять с кем-нибудь.

– Прекрасно вас понимаю, – горячо поддержала я. – Не беспокойтесь, я передам сумку консьержу.

Она снова еле слышно поблагодарила меня. Я уже вошла в лифт, когда она вдруг громко сказала мне вслед:

– Люси, если я все же передумаю, если мне совершенно необходимо будет уйти, как я могу с вами связаться?

– Э-э, ну, вы можете меня дождаться, я прихожу около восьми... Или, – я ужасно не хотела давать ей свой мобильный, потому что тогда она постоянно будет мне досаждать, – или связаться со мной по имейлу.

И посмотрела на встревоженное лицо, с надеждой обращенное ко мне. Ее мать, возможно, при смерти, а я ей предлагаю связаться со мной по почте.

– А можете мне позвонить.

Мне показалось, или она слегка расправила плечи? Я дала ей номер своего мобильного и поскорей отчалила. Выпила чашку капучино в «Старбакс» на углу дома, купила газету и пожертвовала возможностью встретить в метро шустрого бродягу, поехав на работу на Себастиане. Мне опять нужно наведаться в автосервис, и я даже думать боюсь, какой они выставят счет.

На входе в наше офисное здание я предъявила удостоверение. Компания «Мантика» расположена в пригороде, в новом промышленном районе, и здешняя архитектура более всего напоминает внеземной космодром. Десять лет назад компания построила в Ирландии свой завод и в целях повышения производительности сосредоточила все офисные помещения поблизости от него, полагая, что это очень разумный ход. С тех пор благодаря неземным ценам за аренду прибыли неуклонно падают и из тысячи двухсот сотрудников сотню уже уволили. Специфическая ирония заключается в том, что по-гречески «мантика» означает «искусство предвидеть будущее», но никто по этому поводу почему-то не веселится. Сейчас дела вроде бы наладились, и руководство заверяет нас, что мы можем быть совершенно спокойны, однако почти все нервничают, памятуя о тех ста уволенных. После них осталось множество свободных мест, и, хоть нам искренне жаль ушедших, мы с радостью воспользовались теми столами и стульями, которые показались нами более удобными.

Я страшно удивлялась, что не подпала под сокращение одной из первых. Я перевожу инструкции по эксплуатации товара, и на сегодня нас шестеро в отделе по переводу. Кому-то может показаться, что дело это – мы выпускаем инструкции на немецком, французском, испанском, голландском и итальянском – совсем несложное, да так оно и есть, одна беда, я не знаю испанского. То есть я знаю его немножко, совсем чуть-чуть, а потому передаю эту часть работы своей знакомой, которая испанский знает блестяще, не даром она родом из Мадрида. Ее мои просьбы, похоже, не слишком обременяют, а мне это стоит бутылку потина, которую я презентую ей на Рождество. В свое время я год проработала в Милане, потом год в Германии, а в Париже защитила диплом на факультете бизнеса. Чтобы выучить голландский, я ходила на вечерние курсы, а с будущей «наемной сотрудницей» познакомилась в Мадриде на предсвадебном девичнике своей подруги. И хотя я не стала юристом, как Райли, и не занялась медициной, как Филипп, подозреваю, что отец немного гордился моими успехами в университете и тем, что я знаю несколько языков. Впрочем, если и гордился, то лишь до тех пор, пока я не перешла на эту работу. И зачатки его уважения ко мне улетучились в один миг.

Первой, кого я встретила в офисе, была Длинноносая Сука, которую родители окрестили Луизой. Ради приличия буду называть ее просто Длинноносая. Работает она администратором,

через год у нее свадьба – великое событие, к которому она начала готовиться с той минуты, как стала оплодотворенной яйцеклеткой. Когда Рыбьей Морды нет поблизости, Длинноносая изучает журналы и выдирает оттуда картинки, чтобы выбрать подходящие декорации для Главного Дня Жизни. Не могу сказать, что у меня идеальный вкус, но смею надеяться, что я не лишена его вовсе, и меня раздражает ее непрерывная пошлая болтовня о нарядах и косметике, выбор которых никак не зависит от того, за кого она выйдет замуж. Она бесконечно расспрашивает всех и каждого, как прошел их «особый день». К информации она относится не как сорока, но как пиранья, хищно пожирая каждое произнесенное собеседником слово. Разговоры с ней похожи на интервью, и я понимаю, что вопросы она задает не из интереса к моей жизни и даже не из любопытства, а чтобы узнать нечто полезное. Когда ей не нравится то, что она слышит, она сразу воротит длинный нос в сторону, а когда нравится, внимательно дослушивает до конца и потом скоренько бежит за свой стол, чтобы задокументировать новые сведения. Я терпеть ее не могу, и ее футболки в обтяжку с идиотскими надписями, и жирные складки на животе раздражают меня день ото дня все больше. Именно мелочи способны вызвать сильнейшую неприязнь к человеку, хотя, когда Блейк ушел, я особенно тосковала по тем вещам, которые прежде меня так раздражали, например, что он скрипит зубами во сне.

Сегодня она напялила блейзер поверх очередной тесной футболки. На груди у нее портрет Шекспира, а надпись гласит: «В уме нечутком не место шуткам»³. Сомневаюсь, что она удосужилась ее хотя бы прочитать.

– Доброе утро, Люси.

– Привет, Луиза. – Я улыбнулась ей и подождала сегодняшнего вопроса номер один.

– Вы были в Египте?

Мы были там с Блейком. Все по полной программе: ездили на верблюдах по Сахаре, любовались пирамидами, купались в Красном море и плавали на круизном корабле по Нилу. Но Длинноносая спрашивала из чисто практического интереса, а вовсе не для того, чтобы разделить мои чудесные воспоминания.

– К сожалению, нет.

Физиономия ее поскущнела. Я отправилась напрямик к своему столу, выбросила в корзину стаканчик из-под капучино, повесила плащ и пошла налить себе еще кофе. Обнаружилось, что весь отдел сгрудился на крошечной кухне.

– У вас тут конспиративная сходка?

– Доброе утро, принцесса, – расплылся в улыбочке Грэм Гулькин Хрен. – Кофе?

– Спасибо, я себе сделаю.

Я проскользнула мимо него, чтобы включить чайник. Он облокотился о стойку и слегка прогнулся вперед, чтобы я задела то, что он выпятил. Я подумала, не заехать ли ему туда коленкой. Грэм наш офисный бабник, он посмотрел все серии «Безумцев» и теперь мечтает завести интрижку на работе. Он женат, у него есть дети. Волосы он зачесывает назад и укладывает гелем, так что получается сальный вихор. Гулькин Хрен надеется, что это делает его похожим на сериальных безумцев, работающих на роскошной Мэдисон-авеню в процветающем рекламном агентстве. Он так обильно поливает себя после бритья какой-то приторной дрянью, что всегда заранее знаешь о его приближении – в воздухе распространяется нестерпимая вонь. Его вкрадчивые комплименты ни секунды меня не радуют, и порадовать, мне кажется, они могут только ту женщину, которая мечтает провести ночь со скунсом Пепе ле Пью – тем, что из мультика. В его оправдание надо сказать, что когда-то он был вполне привлекателен, но семейная жизнь с женщиной, которую он выбрал себе в спутницы жизни, убила в нем все проблески обаяния.

Я налила в чайник воды.

---

³ Шекспир. Гамлет. Перевод Б. Пастернака.

– Вы слышали? – Мэри Мышь прошелестела это, как всегда, децибелом ниже, чем говорят нормальные люди. Глаза у нее вдвое больше головы, поразительное явление природы. А носик и ротик – как две малюсенькие пимпочки, отсюда и прозвище.

– Слышала – что?

– Так-так, перестаньте, нечего пугать Люси, она только войти успела, – это Квентин Дергунчик.

Он моргает обоими глазами каждые двадцать секунд, а на совещаниях или когда выступает перед большим количеством народа, чаще. Славный тип, немного занудный, но у нас хорошие отношения. Он отвечает за всякие схемы и таблицы, так что мы с ним много общаемся по работе.

– Сегодня будет собрание у Эдны в кабинете. – Личико у Мыши ничего не выражало, а глазки метались, как перепуганные грызуны.

– Кто вам сказал?

– Луиза узнала от Брайана из отдела маркетинга. Во всех отделах сегодня собрания.

– А какой это Брайан? Мерфи или Келли? – спросил Стив Сосиска.

С его прозвищем все просто. Стив, милашка, исключительно напоминает сосиску.

– Да какая разница? – Мышь вылупила на него глаза.

– Брайен Мерфи пишется через *e*, а Брайан Келли через *a*. – Я прекрасно знала, что она не это имела в виду.

Я поняла, что Гулькин Хрен беззвучно смеется, потому что он выдохнул свои смешки мне в затылок, и мне это было приятно. Насчет посмеяться я законченная шлюха, готова с кем угодно.

– Да нет, я имею в виду, какая разница, кто ей сказал? – неуверенно пояснила Мышь.

– Большая. Брайен Мерфи брехло, а Брайан Келли нет, – ответил Гулькин Хрен.

– Сколько я мог заметить, они оба достойные люди, – уважительно заявил Дергунчик.

Дверь открылась, придавив Мышь в угол, и в переполненную кухню втиснулась Длинноносая.

– Чего это вы здесь?

– Луиза, кто вам сказал про собрание – Брайен Мерфи или Брайан Келли?

– А что? Какая разница?

– Просто Брайан Келли полное брехло. – Я нарочно все перепутала.

Гулькин Хрен снова усмехнулся, единственный, кто это заметил.

– А Брайен Мерфи наоборот, вовсе даже не брехло, – вставила Мышь. – Так кто вам сказал?

– Брайен Мерфи – это такой с рыжими патлами, – спросила Длинноносая, – или с лысиной?

Я закатила глаза, поскорее сделала себе кофе и пробралась к выходу.

– Брехло он или с патлами, а окорачивать его надо в любом случае, – сказала я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Никто мне и не ответил. Каждый размышлял о том, чем конкретно ему грозит предстоящее собрание.

– Я уверен, что все обойдется, – сказал Дергунчик. – Не будем тревожиться понапрасну.

Но они уже встревожились, и я вернулась за свой стол, чтобы отгадать кроссворд, оставив их переживать без меня.

Нечто банальное, неоригинальное, неостроумное.

Я огляделась по сторонам.

Прошлое.

Услышав, что кто-то вошел, я прикрыла кроссворд бумагами и сделала вид, что старательно перевожу новую инструкцию. Мимо меня проскандыбала Рыбья Морда, оставив за собой шлейф ароматов: новой кожаной сумки, косметики и чего-то съестного. Эдна Ларсон руководит нашим отделом, и она очень похожа на рыбу. У нее высоченный лоб, потому что линия волос проходит в опасной близости от макушки, глаза навывкате, скулы торчат, а поскольку она, дабы это скрыть, обильно их припудривает, они торчат еще больше.

Рыбья Морда прошла в свой кабинет, и я ждала, раздвинутся ли жалюзи. Не раздвинулись. Я оглянулась и увидела, что все ждут того же.

Время шло, ни на какое собрание нас не звали, и мы поняли, что жизнь продолжается и все это были беспочвенные слухи – что вызвало небольшие дебаты, кому из двоих Брайанов можно доверять, а кому нет.

Утро покатилося своим чередом. Я отправилась на перерыв, покурить на пожарной лестнице, чтобы не тащиться на улицу, и пришлось мне курить на самом деле, потому что Грэм увязался за мной. Я отклонила оба его приглашения – пообедать и поужинать с ним, и, поняв, что я не готова к серьезным отношениям, он предложил мне просто трахнуться, каковое предложение я тоже отвергла.

Потом час посидела с Дергунчиком над инструкцией к новой супер-пупер кухонной плите, которую ни один из нас не сможет купить, даже если сдаст в ломбард всю бытовую технику, какая есть дома.

Эдна по-прежнему не раздвигала жалюзи, и Луиза глаз с них не сводила, даже когда говорила по телефону.

– Это, должно быть, личное.

– Что – это?

– Эдна, наверное, какие-то личные вопросы решает.

– Угу. Или танцует голая под саундтрек к фильму «Свободные» со своего айпода, – предположила я, и Гулькин Хрен мечтательно воззрился на жалюзи, обдумывая новые варианты.

У Луизы на столе зазвонил телефон, и она сперва бойко что-то зачирикала в трубку, но быстро помрачнела, и мы поняли, что случилось нечто неприятное. Все перестали работать и смотрели на нее. Она медленно положила трубку и обвела нас взглядом.

– Все отделы уже провели собрания. Брайан Келли уволен.

Воцарилось немое молчание.

– Вот что бывает с теми, кто болтает лишнее, – спокойно заметила я.

Никто, кроме Грэма, не оценил шутку. Спать я с ним не собираюсь, но чувство юмора у него есть, и за это я ему симпатизирую.

– Это Брайен Мерфи болтает лишнее, – недовольно возразила Луиза.

Я поплотнее закрыла рот.

– А кто звонил? – спросил Сосиска.

– Брайен Мерфи, – ответила Луиза.

И тут мы все принялись хохотать, потому что удержаться было невозможно. Смех объединил людей в этой трудной для них ситуации. Я говорю «для них», потому что меня все это не волновало, я ничего не боялась и не переживала. Выходное пособие они выплатят довольно внушительное, ведь если меня уволят, то по сокращению штатов, а не так, как на прошлой работе.

И тут наконец дверь в кабинет Эдны открылась, и она выглянула к нам. Глаза красные, веки опухли и тоже покраснели.

Она посмотрела на нас так, точно собиралась сказать последнее прости, и я попыталась понять, что же я чувствую. Ничего не чувствую, мне все глубоко безразлично. Эдна откашлялась и сказала:

– Стив, зайдите ко мне, пожалуйста.

Мы с тревогой наблюдали, как он встал и пошел к ней в кабинет. Никто больше не смеялся.

После разговора с Эдной Стив начал собирать свои вещи. Это было тяжелое зрелище. Напоминало расставание с бывшим возлюбленным. Он медленно, со слезами на глазах складывал их в коробку: фото своей семьи, игрушечный баскетбольный мяч и кольцо, кофейную кружку с надписью «Стив пьет черный кофе, сахара одну ложку», пластиковый контейнер для лазаньи, которую жена давала ему с собой на работу.

А потом, пожав руку Дергунчику и мне, после того как Грэм похлопал его по спине, обняла Мэри и поцеловала в щеку Луиза, он ушел. Остался пустой стол, будто его здесь никогда и не было. И мы молча погрузились в работу.

Эдна так и не открыла свои жалюзи, а я больше не уходила покурить, отчасти из уважения к Стиву, отчасти потому, что обычно я именно у него стреляла сигареты. Интересно, однако, как долго они продержатся, прежде чем кто-нибудь сообразит, что стол Стива очень удобно стоит рядом с окном.

Я, как обычно, сделала перерыв на обед, используя это время, чтобы отогнать Себастиана в автосервис. Там мне вручили еще одно письмо от Жизни, и в офис я вернулась в самом мерзком настроении.

Села за свой стол и выругалась на чем свет стоит.

– Что случилось? – Грэма явно позабавило мое витиеватое проклятие.

– Кто это сюда положил? – Я подняла руку и потрясла конвертом. – Кто положил мне это на стул?

Все молчали. Я посмотрела на ресепшн, но Луиза только пожала плечами:

– Мы все ходили обедать, так что никто не видел, но у меня тоже есть письмо. Для вас. –

Она подошла и отдала мне его.

– Ой, и у меня, – пискнула Мэри.

– Возьмите, – Дергунчик передал мне конверт, – на столе у себя нашел.

– Я хотел вам попозже вручить, – с намеком произнес Грэм, доставая письмо из кармана.

– А что там? – спросила Луиза.

– Это частное письмо.

– Какая бумага классная. Приятная на ощупь. Может, приглашение?

– Слишком дорогая для приглашений, – отрезала я.

Луиза вернулась за стойку, потеряв ко мне интерес.

Включая письмо, которое я нашла дома, и то, что мне передали в гараже, он отправил их шесть штук за день.

Дождавшись, когда по комнате поплывет обычный рабочий бубнеж, я набрала номер, указанный в письме. Думала, что мне ответит Американ-Пай, но ошиблась. Он ответил сам.

Даже не дожидаясь, что я поздороваюсь, с ходу спросил:

– Мне удалось наконец привлечь ваше внимание?

– Да, удалось. – Я пыталась сдержаться.

– Прошла неделя, – сказал он, – а от вас никаких известий.

– Я была занята.

– Чем именно?

– Просто своими делами, господа, неужели я должна подробно отчитываться?

Он молчал.

– Ну, хорошо. – Надеюсь, он помрет от скуки. – В понедельник я встала и пошла на работу. Отогнала машину в ремонт. Ужинала с подружкой. Легла спать. Во вторник пошла на работу, забрала машину, пришла домой, легла спать. В среду – на работу, домой, в кровать. В четверг – на работу, в супермаркет, домой, на заупокойную службу, спать. В пятницу – пошла на работу, потом поехала к брату и все выходные сидела с его детьми. В воскресенье вернулась домой, посмотрела «Американец в Париже» и в сотый раз пожалела, что у Мило Робертс и Джерри Маллигана не сложилось. Сегодня утром я встала и пришла на работу. Теперь вы довольны?

– Захватывающе... Думаете, я оставлю вас в покое, если вы и дальше станете жить как механический робот?

– Я не живу как робот, но, как бы то ни было, вы явно не собираетесь оставить меня в покое. Напротив, вы разрушаете мой покой. Сегодня автомеханик Кейт передал мне ваше письмо, которое он *вскрыл*. Так вот, он очень недвусмысленно дал мне понять, что секс с ним – как раз то, что мне нужно. Большое вам спасибо.

– Я пытаюсь помочь вам начать встречаться с мужчинами.

– Мне не нужна помощь, чтобы встречаться с мужчинами.

– Ну, тогда удерживать их при себе.

Это был удар ниже пояса, и даже он не мог этого не понимать.

Я вздохнула:

– Послушайте, я не думаю, что вся эта затея, в смысле наше с вами общение, сработает. Может, кому-то это полезно, только не мне. Мне правда нравится, как я живу, нравится, что никто не стоит у меня над душой, так что самое разумное будет каждому из нас пойти своей дорогой.

Я была собой горда – как твердо, решительно я это ему высказала. Меня послушать, так я хочу обособиться от себя, но, как ни странно это звучит, именно этого я и пытаюсь добиться. Я хочу порвать с собой.

Он опять промолчал.

– К тому же мы явно не в восторге друг от друга. Нам нелегко даже рядом находиться. Серьезно, давайте спокойно разойдемся.

Он по-прежнему ничего не говорил.

– Аллю, вы еще здесь?

– Вроде того.

– Я не должна с работы звонить по личным делам, так что мне пора.

– Люси, вы любите бейсбол?

О господи.

– Нет, я в нем абсолютно не разбираюсь.

– Знаете, что такое крученный бросок?

– Угу. Парни, у которых мяч, бросают его парням с битами.

– Лаконично, как всегда. Если точнее, это подача, при которой мяч, вращаясь, летит по дуге, и очень трудно рассчитать его траекторию.

– Коварный прием.

– Точно. Он сбивает бэтсмана с толку.

– Ну ничего, Робин его всегда спасает. Думаю, они справятся.

– Вы не воспринимаете меня всерьез.

– А вы говорите со мной про американский спорт, в котором я ничего не смыслю, и не хотите понять, что я на работе, и я уже всерьез беспокоюсь, не повредились ли вы умом.

– Я собираюсь сделать такую подачу, – сказал он просто, но игриво.

– Подачу... – Я нервно огляделась. – Вы что, здесь?

Он не ответил.

– Алло! Алло!

Моя Жизнь положил трубку. Хорошо бы он вообще на все положил.

В этот момент дверь в кабинет Эдны снова открылась. Глаза у нее уже были нормальные, но выглядела она устало.

– А, Люси, вот вы где. Зайдите ко мне на минутку, пожалуйста.

Мышь округлила глаза. Гулькин Хрен с грустью посмотрел на меня – теперь ему не к кому будет клеиться.

– Да, конечно.

Идя к ней в кабинет, я ощущала, как все на меня таращется.

– Присядьте. Вам не о чем беспокоиться.

– Спасибо.

Я села напротив нее и оперлась о край стола.

– Прежде чем начать, хочу отдать вам вот это. – Эдна протянула мне очередной конверт.

Я возвела глаза к потолку и взяла чертово послание.

– Моей сестре приходили такие письма. – Она внимательно изучала меня.

– В самом деле?

– Да. Она ушла от мужа, сейчас живет в Нью-Йорке. – Когда Эдна заговорила о сестре, в лице ее промелькнуло что-то человеческое, но все равно она была похожа на рыбу. – Он негодяй. Сейчас она счастлива.

– Хорошо, что у нее все так сложилось. А она, случайно, не давала интервью для журнала?

Эдна слегка сдвинула брови:

– Нет, а почему вы спрашиваете?

– Это я так, не обращайтесь внимания.

– Люси, если я могу что-то сделать, чтобы вам здесь было... лучше, скажите мне, ладно?

Я насупилась:

– Да, обязательно. Но все отлично, правда, Эдна. Письмо пришло по ошибке... ну, сбой в программе или что-то такое.

– Хорошо. – Она сменила тему. – Я позвала вас, потому что завтра к нам приезжает Агусто Фернандес, руководитель немецкого отделения, и я хочу вас попросить пообщаться с ним, ввести в курс дела. Очень желательно, чтобы мы оказались на высоте и ему у нас понравилось, а также чтобы он увидел, как мы старательно и плодотворно работаем.

Я притворилась сконфуженной.

– Он не очень хорошо говорит по-английски, – пояснила она.

– Ох. А я уж было решила, что должна с ним переспать.

Могло обернуться и по-другому, но Эдна откинула голову назад и от души расхохоталась.

– Люси, вы настоящее лекарство. Это то, что мне было нужно, спасибо вам. И вот еще что. Я знаю, вы обычно занимаетесь своими делами в обеденный перерыв, но завтра я вас попрошу не отлучаться из офиса, кто знает, когда он придет. Майкл О'Коннор проведет его по зданию, но будет лучше, если здесь мы сами ему все покажем. Вы ему объясните, кто чем занимается, расскажете, как мы много трудимся. Понимаете?

Она выразительно смотрела мне в глаза. *Пожалуйста, постарайтесь, чтобы большие никого не увольняли.* Мне понравилось, что ей не все равно.

– Нет проблем. Все понятно.

– Как там дела? – Она кивнула на дверь. – Как настроение?

– Настроение такое, будто потеряли хорошего товарища.

Эдна вздохнула, и я поняла, что она тяжело переживает происходящее.

Когда я вышла от нее, все толпились около стола Мыши, как пингвины, которые сбиваются в кучу, чтобы удержать тепло, и выжидающе, напряженно на меня глядели – уволили или нет.

– У кого-нибудь есть свободная картонная коробка?

Они испустили дружный печальный стон.

– Я пошутила, но все равно, спасибо за заботу.

Я улыбнулась, и они расслабились, однако, похоже, слегка обиделись. И вдруг я вспомнила кое-что, что сказала мне Эдна, и мне стало не по себе. Я постучала к ней и сразу вошла.

– Эдна, – настойчиво позвала я.

Она подняла голову от бумаг.

– Агусто, он из...

– ...Германии, из головного офиса. Не говорите остальным, я не хочу, чтобы они еще больше нервничали.

Меня отпустило.

– Ну конечно. Просто у него нетипичное имя для немца. – Я улыбнулась и хотела уйти.

– Ах вот вы о чем, Люси. А я сразу не поняла. Ну да, он испанец.

И тут мне наконец перестало быть все равно. Я была очень и очень встревожена. Ведь моего испанского хватает лишь на то, чтобы заказать в ресторане коктейль, а в принципе у меня крошечный словарный запас. Но здесь-то об этом никто не знает, они надеются на меня, на то, что я уболтаю Агусто, очарую его и мы сумеем избежать новых увольнений.

И, только сев за стол и увидев стопку писем, я поняла, о чем он меня предупреждал.

Черт бы его побрал с его аналогиями. Жизнь послал мне крученный бросок.

Глава девятая

На той неделе он прошел Тропой инков. Вы смотрели? – спросил Джейми, обращаясь ко всем за столом.

День рождения Лизы мы отмечали в ресторанчике «Пирушка», своем излюбленном пристанище, где всегда проходят наши вечеринки, и нас, как всегда, обслуживал гей-официант с поддельным французским акцентом. Нас было семеро, восьмым должен был быть Блейк, но он уехал на съемки. Впрочем, незримо он присутствовал, мне казалось, что он сидит напротив меня во главе стола и все только с ним и говорят. Во всяком случае, последние двадцать минут, едва подали основное блюдо, все говорили только о нем. И похоже, их хватит еще на полчаса, поэтому я набила полный рот салата, чтобы помалкивать. Силчестеры не беседуют с полным ртом, и я могла ограничиться утвердительными кивками и заинтересованно вздернутой бровью. Они принялись обсуждать его путешествие по Индии. Я тоже смотрела эту передачу и очень желала Дженне, чтобы в Дели ее прохватил понос. Они обсудили все: что он сказал, что он видел, как был одет, а потом ласково пожурили, дескать, слишком уж он заигрывает со зрителем – эти его подмигивания в камеру и заключительная фраза. По мне, так это лучший момент, но я не стала им об этом говорить.

– А ты как считаешь, Люси? – громко осведомился Адам.

Все тут же умолкли и поглядели на меня.

Я дожевала листья латука.

– Я не смотрела.

И отправила в рот другую порцию салата.

– Люси больше не интересуют жаркие страны, – пошутила Шантель, – она к этому охладела.

Я пожала плечами.

– А ты вообще смотришь его передачу? – спросила Лиза.

Я покачала головой:

– Не уверена, что у меня есть этот канал. Не знаю, я не проверяла.

– У всех есть этот канал, – заявил Адам.

– В самом деле? – усмехнулась я.

– Вы ведь вместе должны были туда поехать, верно? – Адам перегнулся через стол, чтобы получше меня видеть, подавляя своим напором.

Он говорил вроде бы шутливо, но, хотя прошло уже почти три года, его по-прежнему все-ррез задевало, что кто-то посмел отвергнуть его лучшего друга. Наверное, не будь я объектом этого негодования, меня восхищала бы подобная преданность. Уж не ведаю, чем Блейк сумел заслужить столь крепкую привязанность Адама, но тот безоговорочно соглашался с каждым его словом, верил всем его крокодиловым слезам, и в результате я была враг номер один. Я это знала, и Адам втайне хотел, чтобы я это знала, но больше, кажется, никто об этом не подозревал. Опять меня накрыла паранойя, но я намерена прислушиваться к своим параноидальным заскокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.